

НОВОЕ ИМЯ В ЖАНРЕ ТЕМНОГО ФЭНТЕЗИ

СЕРГЕЙ ПАХОМОВ

РЮММЕРЫ

16+

Сергей Пахомов

Рюммери

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Пахомов С. И.

Рюммери / С. И. Пахомов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

На отдаленную лесную деревню Счастливики с небес сваливается крылатый великан, разрушив треть селения. Жизнь местных и раньше не была подарком — Вечный Лес кишит ужасными созданиями, магическая «птица» в небе не позволяет соврать днём. А теперь ещё и зловоние от разлагающегося трупа и нарастающий голод. Название деревни всё сильнее походит на издевательство. Несчастья, большие для взрослого и гигантские — для ребёнка. Двенадцатилетняя девочка по имени Рюмси изо всех сил старается превозмочь все трудности и невзгоды, одновременно разгадывая тайны деревни. Но умение справляться с препятствиями не всегда помогает преодолеть растущую пропасть между людьми.

© Пахомов С. И., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть 1. Дверь из гнилых досок	5
Глава 1. Рюмси	7
1	7
2	10
3	14
4	19
Глава 2. Озеро испражнений	26
1	26
2	30
3	35
4	40
Глава 3. Немного истины	47
1	47
2	52
3	56
4	60
Глава 4. Глаза, в которых умирает маленькое солнце	66
1	66
2	70
3	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сергей Пахомов

Рюммери

Часть 1. Дверь из гнилых досок

Вот то, чего нельзя решить вашими излюбленными деньгами, и есть настоящие проблемы. Насытишься ли ты золотыми монетами в безлюдной пустыне? А дорогой тебе человек не оживет, хоть полный гроб драгоценностей насыть.

Лори

Даже если человек не может лгать тебе в лицо, у него еще остаются притворные улыбки.

Староста деревни Счастливики

...Внезапно крики оборвались. Все звуки резко стихли. Запахи разом исчезли. А день сменился ночью, омывающей мир холодным и мертвенно-бледным светом луны.

Кайрон снова обратил свой взор на иву. Ветки ее пышным потоком спускались до самой речушки и, хотя весь мир замер, легонько плясали над водой.

Он поднялся и, зажав в руке меч, направился к дереву. Лиловый плащ развевался за плечами, будто Кайрон шел против сильного ветра. Люди стояли, плененные мгновением, бессмысленно наблюдая за безмолвными статуями друг друга. Все вокруг остановилось. Дождь замер парящими, почти круглыми, слегка сплюснутыми снизу капельками, некоторые из которых разделялись на две, а те, что успели коснуться земли, застыли, словно распустившиеся цветы.

Кайрон шел медленно, иногда кривясь и вытирая лицо от капель, что разбивал. Они почти не причиняли боли, но были неприятны, точно кто-то давил на его лицо кончиками холодных пальцев.

Со всех сторон послышался глухой треск, чудились даже вопли.

Кайрон остановился у речушки, в которой отражалась небесная гладь, от чего та лучилась собственным сиянием. Он наклонился и окунул руки в падшие звезды – кусочек неба тут же окрасился багровым туманом.

Кайрон оглянулся и скользнул взглядом по застывшим людям, заточенным в бесконечности мгновений: глубокие черные трещины уже бороздили их лица, рассекали тела замысловатыми узорами.

Затем он поднялся и протянул руку к печальным ветвям ивы, медленно раздвинул их, точно занавес. И то, что он увидел, поразило его больше, чем всевозможные ужасы Вечного Леса.

Она слегка повернула голову – веночек зашелестел листьями – и посмотрела на него. Ее губы дрогнули в легком намеке на улыбку. Алые волосы девушки развевались на ветру, в такт лохмотьям его некогда прекрасного плаща.

Кайрон встретился с ней взглядом. С ее огромными глазами, загадочными, как серебристые облака, что видимы в глубоких сумерках. Он грязно выругался, проклиная в мыслях все на свете, и в особенности себя, за такую ошибку. Одного взгляда хватило, чтоб осознать всю горечь случившегося. В груди созревало то самое чувство, которое без пламени разжигает пожары и без огня согревает. Кайрон понимал, что теперь никогда не забудет глубокой синевы этих прелестных глаз. Как и дивных узоров – дорожек застывших слез на щеках девушки.

Краем глаза он заметил, как неподвижные люди уже полностью побелели и засохли, цветом напоминая лунный диск. Некоторые из них только пошли трещинами, другие начали крошиться и разваливаться на куски, подобно древним статуям, век коих закончился. Звук, с которым они разбивались при падении, странным образом напоминал жалобные стоны. Пыль от обломков поднялась до небес, точно желая дотянуться до такой близкой и далекой луны.

Кайрон понимал, что всю жизнь будет сожалеть о своем поступке. И покой ему теперь будет только снится.

Глава 1. Рюмси

1

– Рюмси!

Рюмси отстраненно смотрела в окно. На ее лицо падал кровавый отблеск лениво уходящего солнца. Дул все еще теплый осенний ветерок. Издали доносились тоскливые завывания деревенских псов. Осколки сна неторопливо улетучивались из памяти.

– Рюмси!

Запах гари в комнате еще чувствовался, хотя голова болела уже не так сильно.

Позавчера люди расправились с соседями и сожгли их дом. Легкий дым вздымался над местом пожарища. Мясо, которое продавали соседи, оказалось человеческим. Стало понятно, кто стоял за исчезновением детей. Вывернуться у лиходеев не вышло.

*Птицу в небе уж видать,
Не получитьсь соврать.*

Впервые Рюмси радовалась, что у них не было денег и отец не мог позволить себе купить мясо, даже по столь ничтожной цене.

– Рюмси! – снова прозвучал голос братика.

Братик стоял возле нее. Как всегда, громкий.

– Тебя отец зовет! – прокричал он. – Все хорошо?!

– Я, наверное... задремала, – отозвалась девочка.

– Стоя?!

– Видимо, из-за дурацкого дыма. Мне померещилось, как двое... колдунов соревновались. А еще стоял день, но на небе я не заметила Птицы Правды. Представляешь? Так непривычно.

– Конечно, померещилось. Ты же знаешь: колдунов давно нет! Всех убили! Иначе не было бы мезости! И все смогли бы врать!

– Мерзости, – поправила Рюмси. – И называй это Птицей. Ненавижу слово «мерзость».

– Потому что тебя иногда так называют, – то ли спросил, то ли подтвердил мальчик, ничуть не смутившись. – А мне нравятся твои пятна, и для меня ты – самая красивая.

Рюмси не стала объяснять, что причина не только в отметинах под глазами.

– Спасибо, – улыбнулась она, неосознанно прикоснувшись к щеке. – Но оно ведь парит в небе. Верно?

Братик кивнул.

– И формой немного похоже. Многие называют это Птицей. Вроде как подходящее название. Согласен?

– Наверное, – пожал плечами мальчик и тут же напомнил: – Отец зовет!

– Уже иду.

Братик кивнул и убежал. Рюмси еще раз выглянула в окно. В некоторых домах уже светились окна. Она улыбнулась, вспомнив, как в детстве ей чудилось, будто тысячи чудовищ из Вечного Леса наблюдают за ней во все глаза. Сейчас она почти взрослая и страхи у нее теперь другие.

Когда Рюмси вошла в общую комнату, в ноздри издевательски ударил запах еды. Необыкновенно вкусный и давно забытый запах. Живот заурчал, словно потревоженный вредный

ребенок, которого еле усыпили. Юшка и травяные напитки обманывали желудок лишь ненадолго.

На столе стоял закопченный глиняный горшок, отдающий теплом. Легкий налет сажи в игре света от свечей и печки превращался в подобие улыбки, точно горшочек сам радовался, что наконец наполнен нормальной едой. Пахло кашей с жиром.

– Садись кушать, – улыбнулся отец.

– Откуда еда? – удивилась Рюмси.

Отец проигнорировал вопрос.

Младший брат косился на горшок, но подходить не осмеливался.

– Ты не голодная? – нахмурил брови отец.

Теперь уже промолчала она. Нет смысла отвечать, если не только они, а вся деревня живет впроголодь.

– Какой аромат, – вошел в дом старший брат. – Вы что, без меня хотели ужинать?

Он поспешил к столу, на ходу потирая руки.

– Я, например, и не собиралась, – лукаво улыбнулась Рюмси. – Пока ты не вошел, думала, что отец тебя приготовил.

Все прыснули со смеху. Кроме отца.

– Пап, а где ты крупу достал? Это ведь не из запасов? – удивился старший.

Братья обступили горшочек.

Отец обратил на них взгляд своих суровых глаз:

– Это не вам! – сказал он, повысив голос. На строгом лице мужчины читалось недовольство. – У Рюмси день рождения.

Оба мальчика с удивленно-боязливым выражением посмотрели на отца и отошли от стола. В воздухе повисло тяжелое, неприятное напряжение.

– Но еще рано, – удивилась Рюмси. – Нельзя переносить праздник наперед.

Брэкки – ее двоюродный брат – рассказывал: бытует поверье, что к ребенку в день его рождения прилетают три злых духа, и чтобы задобрить их, рядом с колыбелью ставят различные угощения. Пакостники набрасываются на еду и забывают о своих злых намерениях. Нельзя переносить празднования на день вперед или назад или вовсе не праздновать. Ведь духи возвращаются каждый год точно в день рождения ребенка.

– Мы не знаем, что нас ждет завтра, – отец не обращался ни к кому конкретно.

Он прав, мысленно согласилась Рюмси, сейчас такие времена, что духи – не худшая из бед. А Брэкки всегда много чего рассказывал. Вон после смерти матери ни разу не праздновали, и ничего. «Интересно, как там сейчас Брэкки», – промелькнула мысль.

Черные тени продолжали плясать на бледных стенах. Пламя в печи танцевало и вытягивалось.

– Не бойтесь, я вам оставлю, – наконец сказала Рюмси, пытаясь разрядить обстановку.

При мысли о еде снова заурчало в животе. Она вчера почти не ела, а когда наедалась досыта, уже и вспомнить не могла. Голод, о котором раньше только слышали, теперь пришел в Счастливики.

Слегка нахмурившись из-за странного поведения отца, Рюмси все же уселась за стол.

– Кашка, – девочка облила губки. – А это – чернойдник? – она озадаченно взглянула на отца.

Даже в столь юном возрасте она знала этот ядовитый гриб. Полностью черный и весь в желтых прожилках и красных точках.

– Сестренка, ты, небось, перепутала, – произнес старший брат, но Рюмси услышала в его голосе легкое беспокойство, схожее с тем, что чувствовала сама.

– Только похож, – пояснил отец. – Из-за сходства с... чернойдником эти грибы еще можно найти. Они совсем безвредные и очень вкусные.

Тем не менее Рюмси почувствовала ложь в словах отца. Она проследила за его взглядом. Он косился в небольшое круглое окошко, выходящее на улицу и соседские дома. Там к стене прислонился какой-то оборванный калека. Быстро темнело, толком ничего не разглядеть.

За окном послышался вой. Стало невероятно холодно, и с каждым ударом сердца становилось только холодней.

Рюмси заставила себя улыбнуться:

– Понятно.

Братья непонимающе наблюдали за происходящим, переводя взгляд то на сестру, то на отца.

– Я подумала, ты отравить меня собрался, – небрежно бросила Рюмси и внутренне напряглась, заметив, как отец опустил глаза.

– Не беспокойся, доченька. Кушай.

Рюмси кивнула и опустила ложку в горшок. Грязная ухмылка которого теперь больше напоминала хищный оскал.

Она догадалась, в чем дело. Солнце давно зашло, а с ним и «птица». Вот почему отец затеял столь поздний ужин.

– Ты меня за дуру держишь? – улыбка на лице Рюмси превратилась в истерическую. – Если хотел отравить, то нужно было хотя бы мельче порезать.

– Отец, зачем?! – крикнул на отца старший брат.

Младший братик начал плакать.

Мужчина оглянулся и бросил на старшего сына сердитый взгляд.

– Не вмешивайся, – прогремел отец, его глаза сверкнули опасным блеском.

– Ты за что погубить ее хочешь?! – не унимался старший.

Отец резко поднялся и ударил сына кулаком в живот. Старший брат рухнул с криком боли. Его бы вырвало от удара, если бы было чем.

– Не вмешивайся, сказал же! – процедил отец сквозь зубы.

Он отпустил сына и направился в дальний угол. Рюмси заметила слезы в глазах отца.

– Мы же тут с голоду передохнем, – мужчина перепуганно взглянул на скрутившегося сына. – Соседка вон скоро родит, а ей всего тринадцать. Не сильно старше Рюмси. Хочешь, чтоб и наша принесла еще один желудок? Нам четверым есть нечего.

Причина, которую привел отец, показалась Рюмси глупой и придуманной на ходу.

Отец обернулся, чтоб скрыть слезы и поднять топор. Рюмси заметила на его лице тень некоторой нерешительности.

– Простите меня, дети, но лучше сразу, чем с голоду, – сказал он тихо.

– Папочка! Прекрати! – закричал младший.

Рюмси показалось, что мужчина хотел что-то сказать им, как-то оправдать свой поступок, но, если нужные слова и существовали, они, похоже, не приходили ему на ум.

– Да простят меня боги, – прошептал он, заносся топор над головой.

Рюмси тряслась от ужаса, пятась от отца, пока не уперлась спиной в холодный камень стены. Справа было окно. Мужчина шел медленно, словно давая ей шанс убежать.

– Рюмси, беги! Спасайся! – проорал старший, приходя в себя.

Девочка пролезла в окно и прыгнула на землю, но убежать не решалась. В доме оставались братья.

Отец странно посмотрел на нее, в его глазах стояли слезы отчаянья:

– Прости... Не мог иначе... Не было выбора.

По спине Рюмси пробежал холодок. Ее посетило страшное чувство: будто она видит отца и братьев последний раз в жизни.

Вдруг сверху что-то прогремело.

Рюмси бросилась бежать. Земля под ногами вздрогнула, небо сотряс раскат грома. Или это был крик? Вдруг стало невероятно тоскливо.

Время, казалось, замедлилось. Словно все происходило на дне озера.

Рюмси ощутила, как ноги оторвались от земли и ее понесло прочь, будто лист, увлекаемый ветром. Что-то давило в спину, пронося мимо домов, ломающихся, подобно гнилым деревьям.

Это конец?

“Это только начало”, – вспыхнула непонятно откуда возникшая мысль.

Затем стало невыносимо больно. И все исчезло.

2

– Просыпайся, Рюмси, – разбудил ее усталый женский голос.

Рюмси открыла глаза, ощутив легкое головокружение.

Через окно струился солнечный свет, озаряя всю комнату. Девочке на мгновение показалось, что она находится дома: те же стены из холодного белого камня, тот же вид из окна – дома у леса.

В комнате витал едва уловимый смрад, напоминающий запах чеснока.

Возле кровати стояла женщина, выглядевшая опечаленной.

– Тетя? – удивилась Рюмси.

Последний раз они виделись около четырех лет назад, когда тетя приносила целебные травы для брата.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила женщина.

Рюмси бросила взгляд на свои руки, на которых виднелись почти затянувшиеся раны.

Но девочка чувствовала, что ушибы и порезы у нее не только на руках.

– Я у вас дома? – озадаченно спросила она.

– Само собой.

– У меня была похожая комната.

– Ну, это не удивительно, в деревне все дома похожи. Разве что у бывшего старосты отличался. А наши... – голос женщины слегка дрогнул. – Твой дом, как и многие... Его больше нет, – тяжело сказала тетя. Ее глаза стали мокрыми.

– Что случилось?! – волнение Рюмси вырвалось наружу. Она вспомнила тот вечер. Отца. Братьев.

– Дочка, треть Счастличиков разрушена.

– Третью... Разрушена... – Рюмси будто не понимала значения этих слов. – Как такое могло случиться? Из-за чего?

Тетя покачала головой:

– Огромное чудовище упало на деревню, – женщина будто с трудом выдавливала из себя слова, ей явно не хотелось рассказывать больше, чем нужно. – Оно уничтожило все под собой. Даже дома, стоявшие поблизости от места падения.

– А моя семья? Что с ними?

Тетя молчала, опустив глаза:

– Еще толком ничего не ясно. Надежда есть.

Рюмси была далеко не глупой и все поняла. Она осталась совсем одна. Что дальше? Ей необходимо время, чтобы подумать. Плечи придавило ощущение полной беспомощности.

– Этого просто не может быть, – прошептала Рюмси, отчаянно замотав головой. – Как же я выжила?

– Не знаю. Брэкки тебя нашел. Ты уже три дня у нас и все это время пролежала без сознания.

Три дня без сознания. Повезло, что семья тети нашла и приютила ее. Рюмси не хотела даже думать, что могло случиться, найди ее – двенадцатилетнюю девчущку – без сознания кто-нибудь другой.

– Так как ты себя чувствуешь? Что-нибудь болит? – несмотря на внешнее спокойствие женщины, в ее голосе проскальзывало напряжение.

– Ничего, все в порядке.

Рюмси заметила, что тетя ни разу не встретилась с ней взглядом.

– Сейчас я тебя накормлю, но потом ты должна покинуть наш дом, – без малейшего оттенка неприязни произнесла хозяйка.

Рюмси прекрасно понимала, в чем дело. Конечно, лишнему рту нигде не рады. Но она не ожидала подобных слов от родной тети.

– Ясно, – улыбка на ее лице померкла. – Вы ведь знаете, что мне некуда пойти. Тем не менее гоните прочь. Зачем спасли тогда?

– Мне очень жаль. Пойми, я ведь не со зла тебя выгоняю. Но скоро нам самим есть станет нечего.

Рюмси подавила в себе желание встать и уйти, сказав напоследок несколько неприятных слов. Ей далось это с трудом. "Бедняку гордость не по карману", – прозвучали в голове слова бывшего старосты.

Рюмси старалась не показывать даже тени бушевавших в ней эмоций. Она незаметно сжала руку в кулак, вонзив ногти в ладонь:

– Прошу, тетя, разрешите остаться у вас. Я буду помогать по дому...

– Я же сказала, мы голодаем, – сквозь зубы прервала женщина.

Было видно, что ей неприятно выставлять девочку на улицу. И Рюмси уцепилась за этот шанс.

– Я осталась сиротой, без дома, – девочка заговорила пожалобнее. – Я сама себе буду добывать еду, обузой для вас не стану. И стану помогать, чем смогу.

Рюмси прикусила нижнюю губу, прекрасно осознавая, какое жалкое зрелище сейчас являет собой: просит о помощи людей, которым, должно быть, самим нужна помощь.

– Рюмси, ты сейчас что угодно скажешь. Где же ты еду добудешь? Земля не родит, еды все меньше и меньше, – сказала тетя дрожащим голосом.

В комнату вбежал мальчик. Высокий и худощавый, на вид не старше Рюмси.

На его груди поблескивал серебряный медальон в форме полумесяца – каждый житель деревни носил такой.

– Она может ходить со мной за наживой! – выпалил он.

– Брэкки, сынок, – проговорила женщина, – ты думаешь, твои... поиски долго продлятся? Долго кормить нас будут? И не забывай, как это опасно.

– Простите, – вмешалась Рюмси, – но если вы родного сына отпускаете за этой «наживой», то к чему за меня переживать?

Рюмси взглянула на тетю, но та отвела глаза.

– Не вмешивайся. И не смотри на меня так, будто я тебе что-то должна. – На лице женщины проступили слабые признаки раздражения. – Ты мне никто. Это из-за тебя моя сестра умерла! От тебя одно несчастье...

– Мама, перестань, – воскликнул Брэкки. – Мы уже об этом говорили. Папа ведь не против.

Тетя немного помедлила:

– Можешь остаться в этой комнате, – холодно сказала она перед тем, как уйти.

Брэкки выдохнул и улыбнулся невероятно красивой улыбкой, которая совершенно не подходила к его круглому веснушчатому лицу – будто принадлежала не ему.

– Я знал, что она тебя не выгонит. У нее доброе сердце. Но все равно нервничал, – признался Брэкки. – Не сердись на маму, времена и правда тяжелые.

Рюмси кивнула – знаю.

Брэкки почти не изменился. Она давно не виделась со своим двоюродным братом. Счастличики, конечно, немаленькая деревня, но все же это было странно.

– Да не хмурься ты. Не выгонит она тебя. – Брэкки легкомысленно махнул рукой. – А какие она лепешки делает! Объеденье! Знаешь, из чего? Никогда не поверишь. Из разных корешков и трав.

На его лице снова появилась «чужая» улыбка.

– Поверю – день на дворе.

– Точно, – он громко рассмеялся. – Попасть-пропасть, сколько ж мы не виделись? Сто лет, наверное. Как ты, сестренка?

Последнее слово вызвало у Рюмси боль:

– Ты меня спас?

– А то! Когда нашел, ты лежала без сознания. Мы с папой и принесли домой.

– А мои братья... отец? Они оставались в доме, когда...

– Прости, но, думаю, они мертвы, – произнес Брэкки, стараясь не смотреть Рюмси в глаза.

– Ты видел их тела? – спросила она, изо всех сил пытаясь дышать спокойно.

– Нет, конечно, – покачал головой мальчик. – Но от большинства домов ничего не осталось. Никто бы не выжил после такого.

Перед глазами Рюмси появился плачущий младший братик. И старший – пытающийся ее защитить. И отец...

Она чувствовала вину перед братьями, больше всего сожалея о том, что они лежат в одной «могиле» с человеком, которого она называла отцом. Она не чувствовала радости от его смерти, но и горечи тоже.

Рюмси постаралась не думать сейчас о родных. Не в силах избавиться от чувства вины и не желая ни с кем делить свое горе.

– Расскажи о... чудовище.

– О великане? Ну, с виду похож на нас – людей, то есть. Только здоровенный, не зря великан-то. Раз в сто больше человека.

– Не удивлена. В противном случае он не разнес бы полдеревни, – невесело усмехнулась Рюмси.

– Да уж, и то правда. Вот только с падением еще полбеды. Началась совсем уж скверная история, – Брэкки нарочито поморщился. – Короче, тех, кого удалось вытащить из-под обвалов живыми... у них кожа стала как будто серо-бурая. Они потом, конечно, все равно сгнули, но успели заразить тех, кто их приютил. Я слышал, у людей вылетели все зубы, выпадали волосы... Много погибло. Папа несколько раз на день приходил проверить, не изменился ли у тебя цвет кожи. – Его взгляд задержался на ее лице. – Не бойсь, о твоих отметинах он знает.

Рюмси легонько кивнула, предпочитая никак не комментировать его слова.

Она не очень помнила отца Брэкки, так как он все время был в разъездах. А потом мать Рюмси умерла, и их семьи поссорились.

– Но ходят слухи, – продолжил Брэкки, – что есть и такие... ну... из тех, кого вытащить не вышло... которые и не умерли вовсе. Хотя, конечно, должны были. Ночью они жутко стонут и воют. Аж тут слышно.

Рюмси молчала, пытаясь осмыслить его слова. Все, что он рассказал – безумие, полное безумие.

– О какой такой наживе ты говорил? – наконец спросила она.

– Почти половина деревни разрушена... Короче, ищем что-то ценное среди развалин.

– А еще короче – грабите. Думаю, грабить мертвых – это точно к несчастью. – Рюмси невольно усмехнулась. Она соскучилась по Брэкки.

Он неуверенно, будто извиняясь, пожал плечами.

– Как все, так и я. Глупо не воспользоваться ситуацией, – произнес он с легким упреком в голосе. – Кир, мой... друг, говорит: ограбить можно живых, мертвым имущество ни к чему.

Рюмси представила, как кто-то рыщет по развалинам ее дома, где лежат тела ее родных.

– А Короч? – Рюмси будто выплюнула это имя.

– А что Короч? Как будто он староста.

Рюмси лишь хмыкнула. Все знали, что, избавившись от старосты, Короч стал главным в Счастливицах.

– Ну, он вроде как недоволен, но поделать ничего не может, – снова пожал плечами Брэкки. – Времена такие, приходится выживать. Понимаешь?

– Да, – она приняла его последние слова осторожным кивком, – я понимаю тебя, но все же...

Рюмси немного помедлила и добавила:

– Твой друг все правильно сказал. Мертвым ничего не нужно. Только нам-то зачем их ценности?

– Как это, зачем? Затем, что ценное добро можно обменять на еду.

Девочка вспомнила, как брат рассказывал о заезжих торговцах, которые меняли ценные вещи на пищу. Но их семья к ним не обращалась – из-за отсутствия чего-либо ценного...

– Понятно. А опасность, о которой говорила тетя – из-за обвалов?

– Не совсем. Обвалы – еще не самое страшное, – слегка виновато сказал мальчик, хотя явно обрадовался, что она согласилась. – Завтра увидишь, отдохай.

Оставшись одна, Рюмси огляделась. Кроме кровати, в комнате больше ничего не стояло. Девочка остановила взгляд на стене: один участок явно отличался.

Камни, из которых строили дома в Счастливицах, были почти белые, если не считать мелких разводов, похожих на застывший коричневатый дым и серую паутину, гонимую ветром. А еще они поблескивали капельками соли. Но строили дома столь искусно, что казалось, будто жилище состоит из цельного куска камня, даже места склейки никто не мог разглядеть.

Дыру в стене хоть и заделали хорошо, но она все же выделялась своим грязным цветом и трещинами, походившими на черные молнии – точно гнилой зуб на белоснежной улыбке. Рюмси сглотнула, поняв, что тут кто-то умер.

Вернулась тетя, поставив перед Рюмси глиняную миску с похлебкой и лепешку. В ноздри ударил теплый вкусный аромат.

– Тебе нужно поесть, – холодно проговорила женщина.

– Благодарю вас.

– Если действительно благодарна, – бросила через плечо тетя, выходя из комнаты, – то покинешь нас.

Похлебка была наваристой и не такой жидкой, как привыкла Рюмси, в ней даже плавали кусочки мяса. Девочка помедлила лишь мгновение перед тем, как наброситься на еду.

Съев все до капли, Рюмси вылизала миску. Затем упала на кровать и разрыдалась – она все еще любила отца и скучала по нему. Любила братьев. Любила эту жестокую и несправедливую жизнь. Оставался один-единственный выход: набраться терпения и выдержать все, что ее ждет. Ведь она осознавала – дальше легче не станет.

3

Рюмси осторожно сделала первый глоток. Жидкость обожгла язык, десны и даже зубы, спустилась по глотке, безжалостно терзая плоть. Отец учил: горячее еда – надольше обманешь желудок. Рюмси надеялась лишь на то, что не сварится изнутри.

Юшка в этот раз оказалась не такая наваристая. И Рюмси знала причину.

Через приоткрытую дверь виднелись запасы пищи – сушеные овощи, ягоды, грибы, рыба. Небольшой мешок зерна, на котором лежали завернутые в ткань лепешки. Также стояла бочка с квашеной капустой: Рюмси это поняла по березовым прутьям, торчащим сверху. Был даже бочонок с медом. Висели венки из лука, чеснока, связки незнакомых трав. Пища словно на показ выставлена.

Словно?

Рюмси усмехнулась. Брэкки раскрыл ей замысел своей матери, заключающийся в том, что Рюмси не удержится, стащит немного еды и тайно насытится ею до отвала, за что ее потом прогонят. Соврать не выйдет – спросят днем.

Она еще раз оглядела скудный запас пищи, предназначенный для семьи из четырех человек, в которую прибавилась сама. Улыбка на лице померкла.

Рюмси неохотно покинула чужой дом: покинуть – означало удостовериться, что все, о чём ей рассказали, происходит на самом деле. А в стенах дома она пребывала в блаженном неведении. И спала довольно хорошо, даже не слыша, как воют мертвецы, о которых рассказывал Брэкки.

Сегодня они пойдут за наживой. Рюмси не нравилась эта затея. Да и тело все еще болело и нуждалось в отдыхе. Тем не менее она согласилась, прекрасно понимая, что выбора у нее нет.

Рюмси испытывала и страх, и возбуждение. Ведь, с другой стороны, на это можно посмотреть, как на приключение, которого она ожидала всю жизнь. Но утешением это было слабым. Вечный Лес, как же ей хотелось никогда не получать такой подарок от жизни!

Молодой месяц обратил взор на Рюмси, заинтересовавшись незваной гостьей. Прикосновение воздуха обдало лицо холодом, а под старенькое и заштопанное одеяние, которое ей дала тетья, проникла утренняя прохлада. На улице воняло. Внутри дома Рюмси это едва ощущала, но теперь вонь усилилась. Ветер приносил неприятные запахи, смешанные с чем-то неуловимо мерзким и неправильным. Складывалось впечатление, будто кто-то стоял у истоков ветра и выкрикивал в воздух грязные слова.

В ярком лунном свете раскачивающиеся под ветром ветви деревьев отбрасывали на стены домов причудливые тени, которые дергались в полумраке, точно отплясывали некий сумасшедший танец.

Все реже звучал лай псов, а раннюю песнь петухов и вовсе теперь не услышишь. От понимания, почему псов тоже слышно все реже, становилось невероятно грустно.

Счастливики считались большой деревней. Семья тети жила почти на краю, а значит, они с Брэкки пойдут на другой конец деревни. Видимо, поэтому брат и захотел отправиться, когда взойдет солнце – путь предстоял далекий.

Вдруг Рюмси услышала голоса и затаила дыхание. Осторожность заставила ее остановиться.

На улице стояла тьма, но лунного света вполне хватало, чтоб различить две фигуры.

Голос Брэкки она узнала сразу, второй мальчик был ей незнаком.

Похоже, ее не заметили. Стараясь не выдать своего присутствия, Рюмси подкралась ближе и прислушалась.

– ...в тех домах не бедствовали.

– Черт с тобой, – буркнул незнакомый мальчик. – Пошли. Какого черта стоишь?

– Погоди чутка, – отозвался Брэкки. – Сегодня пойдем втроем.
– Та девка будет с нами? – пробурчал незнакомец. – Кто бы сомневался.
– Ее зовут Рюмси. Ей сейчас нелегко – столько пережить.
– Слабость – не оправдание.
– Мужчине – да. Но что плохого, если девочка окажется слабой? Как будто не найдется того, кто ее защитит!
– Или обидит, что более вероятно, – хмыкнул незнакомец.
– Вечный Лес! – выругался Брэкки и, судя по звуку, сплюнул. – Не все ведь мрази, даже в нынешнее время.

Оба умолкли, и на мгновение в воздухе повисла тишина, прерываемая чьим-то воем. Безразличный месяц плавал в окружении звезд.

– Кир, я же рассказывал – у нее не осталось родных, – нарушил молчание Брэкки.
«Значит, второй мальчик и есть Кир, о котором вчера упоминал Брэкки», – догадалась Рюмси.

– Родные тоже умирают. Она своих хотя бы помнит, – буркнул Кир.
– Считаешь, она будет для нас обузой?
– Я так сказал?
– Папа говорит, – заявил Брэкки, – что до определенного возраста девочки не слабее мальчиков.

– Брэкки, черт! Ты издеваешься? Мочится она, наверное, тоже как мы? До определенного возраста, конечно. Не говоря уже о... других подробностях. О которых, как мне кажется, ты в своем сказочном мире добрых дел и не догадываешься.

– Не догадываюсь?! Думаешь, я не общаюсь с девчонками? – огрызнулся Брэкки. – Ты-то явно знаток девочек. Свое-то отражение видал? Похож на жабу, которых мой отец ловит. Если жабе пучок волос прицепить – от тебя и не отличишь.

– Еще ты, несомненно, сможешь увидеть, что у меня гнилые зубы и волосы лезут, словно у старика. Хотя мне около пятнадцати лет. Сколько точно – не знаю, а тех, кто знал, давно нет в живых, – спокойно проговорил Кир. – «Знаток девочек»... Хех... Я живу с младшей сестрой и заботился о ней с пеленок. Вот откуда мои... знания.

– И вовсе у меня не сказочный мир. Хватит так говорить. – Судя по голосу, Брэкки смутился.

– Но ведь ты все время мечтаешь быть добреньким. Вон девчонку притащил. Ты славный парень, Брэкки, но ты глуп. Вам же самим жрать нечего! Какие тут, к черту, мечты?!

– Когда голод исчезнет и станет лучше, я не хочу, чтоб мне было стыдно за то, что я делал. Рука подающего никогда не опустеет.

– Seriously? С такими речами можешь по домам ходить, попрошайничать. Ты хоть понимаешь, что говоришь, или только повторяешь? Уверен: это тоже слова твоего отца.

– А если и так, что с того?

– Черт возьми! – рявкнул Кир. – А то, что лучше не станет. Я и сам так раньше себя успокаивал, – сказал он. – День за днем, ночь за ночью обманывал себя. Но от надежды толку мало. Мне пришлось наконец смириться с действительностью. И тебе бы не помешало.

– Как будто надо опускать руки. Случилась беда, но для нас наконец-то появилась возможность выжить. Пороемся немного в развалинах...

– Возможность выжить? Не носи чушь, – перебил Кир. – Забыл, как вчера мало не погибли?

– Конечно, нет, – признался Брэкки. – Зато, глядишь, и Рюмси окажется полезной. Нам так часто все сходило с рук, что мы лезем туда, куда раньше бы не полезли. А она свежим взглядом нас от риска-то и удержит. Тем более ты сам говорил, что нам помогла эта... трагедия.

– Эх, Брэкки, твои слова сладкие, словно мед с чертополоха, – буркнул Кир.

Начало подниматься солнце, а звезды уже почти растворились в утреннем небе, и Рюмси ничего не оставалось, кроме как выйти к ребятам. Она выкинула из головы все плохие мысли. Сегодня, как никогда раньше, ей необходима удача.

– Чертова мать! Она что, плачет? – вскрикнул Кир, заметив девочку.

Его оскорбительный тон еще больше разозлил Рюмси, но она скрыла недовольство.

– Это не слезы, это родимые пятна такие, – со вздохом пояснил Брэки.

Кир уставился на Рюмси. Она привыкла, когда на нее тарачатся. В лучшем случае девочка становилась объектом любопытства, в худшем – отвращения. Но Кир смотрел иначе, будто не видя ее уродства. Это казалось странным еще и потому, что он явно был не из Счастливых, где Рюмси знал почти каждый.

– Приветствую. Ты, наверное, Кир, – сказала она, глядя в глаза пухлого мальчика. Глаза казались прозрачными. – Я – Рюмси.

Она протянула руку, но Кир отшатнулся, словно ее несчастье могло оказаться заразным.

– Знаю. Мы как раз о тебе разговаривали, – буркнул он, безразлично кивнув в ответ. Лицо у толстяка оказалось болезненно белым и почему-то напомнило ей слизня. А его губы имели темно-синий цвет с легким оттенком фиолетового, будто он замерз или объелся черники.

– Правда? И о чём именно? – сказала Рюмси, изобразив удивление.

– О том, что ты слабая и лишняя рот для его семьи, – проговорил толстяк, презрительно скривив губы, демонстрируя неприязнь, которую, похоже, не собирался скрывать.

Рюмси покосилась на небо. Светящийся сгусток – своими очертаниями напоминающий птицу – уже парил над деревней, то поднимаясь, то опускаясь, и казалось, нигде не укрыться от его власти. Пока голубовато-синее свечение, именуемое Птицей Правды, кружило в небесах, Кир не смог бы соврать. Но Рюмси была уверена – толстяк все выдал ей намеренно. Мог ведь промолчать. Кир тоже ей совершенно не понравился, но она все же выдавила улыбку.

– Кир, иногда ты как сотня вредных бабулек, которые кого-то обсуждают. Вечно недоволен, – проговорил Брэки.

– Я был бы очень доволен, если бы мне удалось пережить этот день, – отрезал Кир, даже не стараясь скрыть язвительности. – Но это будет сложно, если я вынужден приглядывать...

– Спасибо, Кир, – перебила Рюмси. – Я могу сама о себе позаботиться.

– А еще, Брэки, – продолжал толстяк, не обращая внимания на Рюмси, – я безмерно рад, прям тысячекратно, тому, что твой отец познакомил тебя с таким числом, как сотня. Но прошу тебя, умоляю, не нужно вставлять его в каждое предложение.

– Пошли уже, – решительно произнес Брэки.

Кир еще что-то пробурчал под нос и, резко развернувшись, двинулся в сторону скал.

– Мы пойдем не через деревню? – удивилась Рюмси.

– Через скалы – не самый лучший способ сократить, конечно, – признал Брэки, – но так безопаснее.

– Постой, – Рюмси коснулась худощавыми пальцами плеча Брэки. – Спасибо тебе... за все.

Мальчик улыбнулся. Лицо круглое, веснушчатое, румяное – он очень походил на мать.

– Не стоит, – ответил Брэки, покрасневшись, и протянул ей торбу. – Возьми, кстати.

Торба была потрепанной, а внутри что-то лежало.

– Это брехливая сумка, – усмехнувшись, пояснил мальчик. – Она для вида. Если что найдешь – туда не клади. Но вдруг будут обыскивать, пускай смотрят в торбу.

– Черт бы вас... – послышалась ругань Кира.

– Да идем уже! – резко отозвался Брэки.

Кир приоткрыл рот, словно собираясь что-то сказать, но, похоже, передумал.

– Этот Кир не сильно старше нас, но, если не обращать внимания на его ругань...

– Трудновато, конечно, – хмыкнул Брэки.

– Согласна, – Рюмси улыбнулась в ответ. – Но уж больно по-взрослому он рассуждает. Дети так не разговаривают.

Брэкки хмыкнул еще громче:

– Уж кто бы говорил, Рюмси.

* * *

Они двинулись в путь.

Вначале подъем на гору был не слишком крутой, идти оказалось несложно. Только от солнца не спрячешься: тут не росли даже кусты, не то что деревья. Вокруг белели разбросанные брылы всевозможных форм. Некоторые даже невероятно длинные и красиво обработанные, с замысловатыми рисунками – староста называл их колоннами. Только несколько колонн стояли, тянулись к небу, остальные лежали на земле, расколотые на два и более кусков.

Из сухой земли гнилыми зубами торчали длинные обломки, некоторые выше взрослого в несколько раз. Рюмси иногда видела камни, напоминающие лица, а Брэкки клялся, что как-то раз видел даже руку. Староста рассказывал, что это, скорее всего, остатки древних поселений. А вот каких таких поселений – умалчивал. Местные не трогали камни, чтоб не навлечь проклятье. А приедем давно уже не было смысла ехать за ними в такую даль.

Некоторые брылы лежали так, будто кто-то хотел что-то построить, но не закончил.

Часто попадались вившиеся змейкой заборчики из камней, тоже полуразрушенные. В детстве Рюмси любила по ним ходить и перепрыгивать через них. Сейчас не хотелось.

Кир ушел вперед и не оглядывался. Рюмси почти чувствовала исходящую от него неприязнь. Она удивилась: ей казалось, Киру, при его телосложении, придется пыхтя взбираться по крутой дороге, но толстяк оказался довольно ловок и двигался с неожиданной легкостью. Для Рюмси, наоборот, это стало испытанием – тело все еще болело.

– Постарайтесь быстрее, – бросал через плечо Кир, точно слыша ее мысли.

Рюмси чувствовала гнев на этого толстого мальчишку, растущий с каждым грубым словом, срывавшимся с его губ.

Вскоре ребята вошли под сень редких сосен, радовавших жидковатым теньком. Воздух нагревался, с каждым шагом становилось все жарче, словно в печи. Рюмси, Брэкки и Кир остановились передохнуть. Отдых – это тоже часть труда.

Внизу виднелась деревня. Солнечные лучи отражались от стен белых домов и нещадно резали глаза. Счастливчики вытянулись вдоль подножия горы, напоминая полумесяц. Пока еще глазам не открылись ни развалины, ни упавший великан. Рюмси взглянула перед собой, туда, где в отдалении одиноко маячили другие скалы, утопающие в жуткой тьме Вечного Леса. Вдалеке что-то блестело, будто передразнивало солнце. Брэкки объяснил, что это навершие меча, проткнувшего великана, само же лезвие почему-то не отражает света.

Неожиданно Кир вытащил из сумки две запеченные куриные ножки – огромные – и протянул им обоим. Рюмси опешила. От одного только вида еды ее рот наполнился слюной. Живот скрутило. Рюмси не помнила, когда ела куриное мясо, даже забыла, когда видела курицу. Одна ножка досталась Брэкки, вторую Кир надкусил и только потом сунул ей в руку. Ножка оказалась еще теплой.

– Погодь-ка, – сказал Брэкки, доставая из складок одежды сверток величиной с кулак, и отдал Киру. – Держи.

В свертке оказалась лепешка. Кир разломил ее: одну половину он снова обмотал тканью и спрятал, вторую целиком бросил в рот.

– Фушнотише, – промямлил толстяк с набитым ртом и сглотнул. – Из чего ты, говоришь, твоя мать их делает?

– Трет листья липы, корешки трав...

– Ясно, – отрезал Кир.

– Слушай, Кир, – сказал Брэкки, разглядывая ножку. – Сколько у тебя этих курей? Все время ножки. Если бы ты мне яйца принес, мама бы такие лепешки из них...

– Ты кому-нибудь разболтал?!

– Нет, мы же договаривались.

Рюмси перестала разглядывать ножку и нехотя протянула обратно:

– Мне нечего дать взамен.

Кир оценивающе взглянул на нее:

– Думаешь, не знаю? – буркнул толстяк. На солнце его кожа выглядела еще более нездоровой.

– Где ты ее достал?

Кир сделал вид, что не услышал вопроса.

– Ты ведь мог съесть сам. – Рюмси не хотелось быть ему должной. Но неприязнь к мальчику начала улетучиваться. Разве может голодный обижаться, когда кушает?

– Мог. Но отдал тебе, и ты мне ничего не должна. К черту твою наигранную вежливость. Жри давай, не глупи, – он смотрел так, будто собирался улыбнуться, но выражение лица не изменилось. – Не все ведь мрази.

Брэкки, смачно чавкая, прыснул со смеху, вовремя прикрыв рот.

Рюмси впилась зубами в мясо. Ее челюсть слегка свело, а коренные зубы легонько запульсировали. Она хотела подольше насладиться мясом, но через миг – почти не пережевывая – проглотила все. И теперь, разломив кость, высасывала ее содержимое.

Насытившись и устав, Рюмси почувствовала, как тяжелеют ее веки. Ребята тоже нежились под солнечными лучами. Она забеспокоилась: здесь нельзя засыпать. Ходят легенды о неприкаянных матерях, которые погубили собственных детей. Их сердца настолько зачерствели, что даже кожа стала каменной. И теперь они блуждают по скалам и, найдя кого-либо, изо всех сил обнимают уснувших путников, каясь за былые проступки. Вот только после их каменных объятий от человека остается лишь каша из костей да мяса, а каменные матери, не понимая, куда делся путник, уходят искать новых.

Впрочем, это могла быть всего лишь байка, чтоб люди не засыпали под палящим солнцем и не зажарились насмерть до пробуждения. Страшилка, вроде Полуденницы.

– Кир, ты ведь не местный, – сказала Рюмси, стараясь отогнать сон. – Расскажи, как дела в других деревнях?

– А сама как думаешь, если я здесь, а не там? Но могу рассказать, как там падают в голодные обмороки. Может, поделиться, как люди умирали прямо на улице? Поначалу, в основном, старики, которые отдавали еду детям, и... малолетние, о которых некому было заботиться. Или рассказать, как однажды я обнаружил полумертвую, без сознания, женщину? Она несла остатки своего имущества, видимо, чтоб обменять у торговцев на крохи еды, и потеряла сознание. Ее ограбили, и никто, я в том числе, не обращал внимания. Даже когда она очнулась... – мальчик сжал руку в кулак. – Это страшно слышать, как в подворотне кричит женщина и некому ей помочь. Потому что всем плевать на чужих.

Кир, прищурившись от слепящего света, пристально смотрел на Рюмси:

– Я не всегда таким был. А сейчас себя даже не узнаю.

– Ну, хватит, – проговорил Брэкки.

– Нет, пускай продолжает, – холодно сказала Рюмси.

Кир кивнул. Хотя было видно, что он не нуждался в ее согласии:

– Однажды, вернувшись домой, я не увидел сестренки и бросился ее искать. Выбежал на улицу сам не свой – кричал, молил, спрашивал у людей, видел ли кто маленькую девочку. Меня колотила дрожь. Я чуть с ума не сошел. Кроме сестренки, у меня никого не осталось.

Рюмси заметила странную вещь: когда Кир заговорил о сестре, то неосознанно начал поглаживать себя по левому боку.

– Я не мог потерять и ее, – с отсутствующим видом продолжил толстяк. – Хорошо хоть, хватило рассудка сохранить человеческий облик, иначе в лучшем случае меня бы либо проигнорировали, либо прибили. А так кто-то ответил: «Беги скорей в тот дом, забрали ее и уже, наверное, съели». Я залетел туда, не зная, сколько их и справлюсь ли с ними. Мне было плевать. Их оказалось много. Я оттолкнул всех, кто стоял возле нее – к счастью, они уже обессилели от голода. Я схватил сестренку и унес.

Некоторое время ребята сидели молча, наблюдая, как змейкой петляет горная речушка, плавно обходя Счастливики, и как властно раскинулся за древней Вечный Лес.

Кир поднялся, отряхнув от хвои свой широкий зад, искоса посмотрев на Рюмси:

– Наверное, странно слышать об ужасах голода от такого, как я, – проговорил он, явно имея в виду свое телосложение. – Верно, Рюмси?

– Верно, – ответила она, смутившись.

– Эх, как же здорово! – Брэки потянулся и зевнул. – Ты, Кир, прямо как волшебник с игры.

Толстяк вопросительно приподнял брови.

– Ну, играем так: если бы волшебники не погибли, что бы ты попросил из еды, повстречав одного? – пояснил Брэки. – Я вот куриную ножку и попросил бы. Ну, и еще свиное колено – голову бы за него отдал.

– Зачем нужна свиная голяшка, если у тебя не будет головы? – хмыкнул Кир – точнее, хрюкнул. – Чем ты ее есть собираешься? И, к слову, мясо гусиное – не куриное. Где ты такую курицу-то видал?

– Эх, наколдовал бы колдун даже сто свиных коленец, я б их все слопал! – мечтательно проговорил Брэки, игнорируя подкол толстяка. – А ты, Рюмси, что бы попросила?

Рюмси усмехнулась. Играя с братьями, она всегда давала один и тот же ответ.

– В нашей речке водится рыба с черными точками, – проговорила она. – Голову за нее не отдам, но попросила бы ее.

– Знаю-знаю, – отозвался Брэки. – Только ее ж не словишь. Наверное, только колдунам это и под силу.

Рюмси ничего на это не ответила.

4

– Ух ты! Это же настоящая книга, – восхищенно воскликнула Рюмси.

– Некий человек, по имени Гаразд, рассказал мне много полезного, ничего не потребовав взамен. – Староста рассматривал рукопись, будто тоже увидел ее впервые. – Именно он подарил мне сию чудесную книгу. Это истинное счастье – встретить кого-то, столь умного.

– Уверена, что он не умнее великого старосты нашей деревни, – Рюмси скорчила рожу.

Только она позволяла себе так разговаривать со старостой деревни, которого за глаза называли Свинопасом.

Сколько Рюмси себя помнила, староста почти каждый день навещал их семью. Она замечала, что он почти не общался с родителями и не интересовался братьями – только ею одной. Вначале они просто виделись. Потом начали перекидываться парой фраз.

Рюмси быстро привыкла к Свинопасу, но не испытывала к нему особой любви, хотя всегда признавала в нем человека, заслуживающего уважения. Да и староста из-за своего характера оказался не из тех, чьего общества ищут. Было видно, что он и сам не ожидал от нее дружеских чувств. Но по известной одному лишь ему причине регулярно проводывал.

Свинопас был очень умным человеком, и Рюмси, немного повзрослев, искренне наслаждалась его рассказами о богах, дальних странах и загадках деревни Счастливики. В компании старосты оказалось невероятно интересно. Он тоже не скрывал, что радовался возможности с кем-то поговорить.

Свинопас жил один. Будучи старостой огромной и богатой деревни, сравнимой по размеру с небольшим городом, он почти все время сидел в своем доме, вечно что-то изучая. Подобно медведю, живущему в зимних сновидениях несмотря на то, что в распоряжении косолапого целый лес. Лишь иногда, морщась от такой необходимости, староста неохотно покидал свою берлогу. Староста был очень худым “медведем”, как после спячки. Рюмси всегда считала, что такой огромный дом слишком велик для одного человека. Но, увидев, сколько у старосты шкафов со всевозможным барахлом, пришла к выводу, что дом для него слишком мал. Наверное, потому он и начал рыть подвал.

– Ого! Там рисунки даже есть, – Рюмси с интересом перевернула следующую страницу. – Странные какие-то. Это?..

– Внутренности и части человеческого тела. Пойдем, покажу тебе подвал, Рюммери, – сказал староста, нетерпеливо махнув рукой.

Только он называл ее настоящим именем. «Рюмси» – придумали братья: из-за ее родимых пятен, похожих на слезы. «Рюмси» прижилось, и все стали ее так называть, даже родители. Зачем же тогда придумывали имя Рюммери?

А вот староста не любил клички. И Рюмси догадывалась, почему. Если бы ее называли Свинопасша, она бы тоже не любила.

А еще Рюмси хотела узнать, откуда у него такое прозвище, но сам староста помалкивал, а деревенские пожимали плечами, что, впрочем, не мешало им так его звать.

– Не знала, что ты уже закончил с подвалом, – удивилась Рюмси.

– Никто не знает, и хотелось бы, чтобы так и оставалось, – Свинопас многозначительно посмотрел на девочку и добавил: – Сейчас поймешь, почему.

Рюмси скользнула взглядом по рисункам в книге:

– Надеюсь, у тебя там нет коллекции трупов.

– Нет, разумеется, – усмехнулся староста. У него были глубокие серые глаза, которые словно пронизывали насквозь своим взглядом. Наверное, поэтому, даже когда староста улыбался, лицо его выглядело печальным.

Староста первым стал спускаться по ступенькам, Рюмси двинулась следом, и их подошвы зашаркали по камню. Свет факела омывал темное стекло бутылок, поблескивающих по сторонам. Стекланные изделия сами по себе стоили недешево, но с солью внутри становились невероятно ценными.

Староста как-то рассказывал, как раздобыл столько. Он потратил все свои доходы на дегейское вино: напиток, который, говорят, ценят сами боги. Но, даже не доехав до деревни, все распродал, оставив бутылки себе. Благодаря этому староста не только не обеднел, а наоборот, приумножил свое богатство.

Неровный свет факелов плясал по бледным стенам и ступеням из гладкого камня. Рюмси не сразу догадалась, что жуткие кривые тени, бегущие рядом, принадлежат ей и старосте. Шаги гулким эхом отдавались от стен. Этот звук заставлял Рюмси ежиться. Она осторожно ступала, с удивлением считая каждый шаг. Рюмси, из-за своего маленького роста, пару раз споткнувшись, чуть не упала. Благо, староста поддерживал. Насколько же глубок подвал? А когда, наконец спустившись, она подняла взгляд, то сильно удивилась – потолок оказался раза в два выше старосты. Даже если бы Свинопас подпрыгнул, то не смог бы коснуться его. А он был довольно высок, выше любого из деревенских.

Староста присел на последнюю ступеньку и принялся массировать больную ступню. Нога тревожила его с тех самых пор, как умерла мама Рюмси.

В подвале царил сильный холод. Еще мгновение назад Рюмси бы радовалась, убежав от жуткой жары в прохладу, но тут стало уж очень холодно, и пахло сыростью.

– Он же огромный! – звук ее удивленного голоса отразился от стен. – Как ты смог его выкопать?

– Немного, разумеется, пришлось потрудиться, но я убрал только верхний слой. Точнее, пол. – Он кивнул на вход. – Остальное уже было, это подземная пещера. Мне кажется, вся деревня пронизана ими.

– Странно, что нет паутины.

– Я ведь тут хожу все время – вот и нет.

Какой бы жуткой ни была игра света и тени, лицо старосты по-прежнему оставалось приятным и добродушным.

Сверху свисали острые брылы, от чего Рюмси чувствовала себя в открытой пасти огромного зверя со множеством острых зубов. В потолок упирались массивные прокопченные балки, словно староста и сам верил, что пасть может захлопнуться, и пытался помешать этому.

Дальние же углы пещеры утопали в темноте, свет факелов там пропадал, и оставалось лишь гадать, что скрывает тьма.

Немного впереди, на столе, горела толстая свеча. Рюмси присмотрелась и, невольно вскрикнув, отшатнулась. Там лежало человеческое тело: живот разрезан, виднелись внутренности.

– Не бойся, он давно мертв, – попытался пошутить староста.

– Чтоб я в Лес попала, да там и пропала! Ты же сказал, что трупов нет! Сейчас день... Птица! Ты можешь врать?! – она раскрыла рот, мгновенно забыв о мертвом теле.

– Я не лгал, сказав, что у меня нет коллекции трупов, – староста усмехнулся краем рта, – для которой мне, как минимум, не хватает маленькой девочки с длинным языком. – Он стал серьезнее, ухмылка исчезла. – Не обязательно врать, чтоб выкрутиться. Понимаешь? Но не стоит кому-либо рассказывать, что так можно, ибо...

Рюмси нехотя последовала за старостой к мертвецу и сразу очутилась во власти мрачных теней, обитающих в подземелье.

– Да помню я. Не забыла, – Рюмси скроила гримасу, подражая голосу старосты. – Ибо людям нельзя доверять.

Почесав кончик носа, староста загадочно произнес:

– Так и есть. Ты ведь не знаешь, как появилась Птица? – он воткнул факел в специальное отверстие, а затем зажег на столе еще несколько свечей, озарив подземелье мягким оранжевым светом. – Да и откуда тебе знать? Простые люди мало интересуются чем-то, кроме насущных потребностей.

Теперь стало намного светлее. На некоторых стенах получилось разглядеть полки с орудиями и предметами, о предназначении которых Рюмси могла лишь гадать. Еще стояло несколько стеллажей, заполненных в основном банками и бутылками.

– Я не такая, – протянула Рюмси с укоризной в голосе.

– Ты нет, но твои... родные такие. Кстати, кроме них и меня ты с кем-нибудь еще общалась?

– Тетя из-за чего-то поссорилась с отцом и больше к нам не приходит. Уверена, она и Брэкки запретила со мной общаться.

– Вот как? – староста нахмурил брови, скривив маленький рот, будто знал что-то об ее семье, чего не знала она сама. – Слушай, если кто-то уходит из твоей жизни...

– Слу-ушай, – она быстро перевела разговор в другое русло. – Так зачем все-таки тебе труп в доме? Это же неприятно и мерзко.

– С этим трудно не согласиться. Но, знаешь, боль ведь тоже неприятная, но она бывает двух видов: та, что убивает, и та, которая лечит. С трупами тоже не все так однозначно. Бывают

и полезные трупы. Чтоб на их... опыте у живых не появилось боли, которая убивает. Живот, если тебе интересно, я ему разрезал уже мертвому. Но до этого на его теле не было ран. Он не стар, посему меня заинтересовала причина смерти.

– Если деревенские узнают про мертвяка в твоём доме, то ой как не обрадуются, – проговорила Рюмси, с опаской наблюдая, как на стенах медленно покачиваются тени от свечей.

– А если, скажем, у матери будет умирать ребенок, она тоже не обрадуется, когда я спасу ему жизнь?

– Я просто переживаю за тебя. В деревне тебя не сильно жалуют.

– Людям всегда необходим тот, на кого они могут злиться. Но в Счастливицах все отлично, а значит, я хорошо справляюсь с обязанностями старосты. И, заметь, – он приподнял указательный палец, – они ведь всегда ко мне идут со своими проблемами. Даже не к лекарю или той старой женщине... запаматовал ее имя...

– Ягориадной она назвалась, когда приходила в последний раз, – Рюмси радовалась, что наконец представился случай поумничать самой. – А не помнишь ты потому, что до этого она назвалась Ягишей, а еще раньше Ведьмерой.

Свинопас сделал вид, что не придал этому значения. Но Рюмси знала его слишком долго, чтоб это у него получилось.

– Так почему они не идут к Ягориадне? – продолжил староста. – Потому что они признают мою помощь. А пока я могу помочь, я нужен.

– Не думаю, что ему ты поможешь, – съязвила Рюмси, кивнув на мертвеца. Ее всегда раздражала привычка Свинопаса мудрствовать с поднятым пальцем.

Староста был главным в деревне и, несмотря ни на что, его уважали, а некоторые даже побаивались. Не любили Свинопаса, правда, почти все. Но лишь с ним Рюмси вела себя естественно, не прикидываясь.

– Ему нет. Но, узнав причину, я смогу помочь другим. Это могла быть и болезнь.

– Твоя жена... ее болезнь забрала?

Свинопас слегка нахмурился:

– Я очень любил свою жену, она меня – нет. Мое сердце разбилось. А она... Она тоже не вынесла ран... сердечных. – Во взоре серых глаз старосты ни на мгновение ничто не дрогнуло. – Тебе тогда и года не было.

Рюмси опешила, не в силах понять, что же скрывают его слова. Иногда разница между шутками и серьезностью старосты оказывалась настолько тонка, что можно было легко и порезаться. Но он, похоже, не лгал. Не мог. Днем Правда достанет даже в темноте подвала.

Рюмси молчала, не зная, что ответить, но не жалела о своем вопросе. Староста доверял ей больше всех, но имел кучу тайн. И Рюмси при случае собирала крохи сведений о нем.

– Он тоже не от болезни умер, – теперь тему сменил староста. – Его погубил хлеб.

Свинопас многозначительно помолчал.

– Хлеб, к слову, свежайший и не отравленный. Глупейшая история, но в той же мере и поучительная. Хотя тебе это, скорее всего, не интересно.

Он лукаво покосился на Рюмси. Огни-хитринки блестели в его глазах. Девочка нахмурилась.

– Ладно, так и быть, расскажу. Он, – кивок на мертвеца, – крутился поблизости от Вечного Леса, пока оттуда не выбежала какая-то тварь...

– Покинула Лес?!

– Порой чудовища покидают Лес. Но наш приятель вовремя заметил и успел вскарабкаться на дерево. И, как позже поведал своей жене, сидел там два дня, пока тварь не ушла. Потом еще и ночь, аж до рассвета, чтоб удостовериться, что чудовище точно не вернется. И лишь затем слез и побежал домой. Вернее, побрел: думается мне, конечности у него затекли порядочно.

– Я бы тоже не сразу слезла, особенно ночью. Но это ведь не конец...

– Нет, дорогая, меня просто перебили ценным замечанием.

– Прости.

– Ну так вот. Добрался он, наконец, домой. А там хлеб как раз испекся, он его прямо из печи схватил и съел. Хлеб, как я потом выяснил, застрял в животе, а точнее, в кишках. Это и стало причиной смерти.

– Глупая какая-то смерть.

– Люди вообще делают много глупостей, в особенности когда голодны. Я видел голод и очень рад, что в Счастливицах его нет. Надеюсь, никогда и не будет.

Староста умолк, о чем-то задумавшись.

– История поучительная, но не обязательно было мне его показывать. Иногда рассказа достаточно, – процитировала она его же давние слова. Рюмси нравилось повторять за старостой, и она почти всегда понимала значение сказанного.

– Мог бы. Но жизнь не всегда приятная. Спрятав от ее реалий, я не помогу тебе избежать всех опасностей. К тому же мне казалось, ты захочешь помогать, как в случае с картой. Или не ты говорила, что со мной намного интересней, чем на огороде?

– Уж лучше на огороде спину гнуть, чем с мертвецами возиться. Не этого я хотела.

– А что тебе мешает заниматься тем, чем хотела?

– Когда я повзрослею, меня ждет судьба всех девочек. Выйду замуж, нарожаю деток. Хлев, огород, дом... Если, конечно, кто-то позарится на такое лицо, – ее голос задрожал. – А так хочется любви. Настоящей. Которая без огня согревает.

– Где ты услышала эти слова?

– Н-не знаю, – в глазах уже забили роднички. – Сама придумала от безысходности.

– Правильно – безысходности.

– Б-благодарю, – роднички превратились в реки. – М-мне в жизни еще пригодится это слово.

– Рюммери, у тебя красивое лицо.

– П-почему тогда другие дети дразнятся? Даже взрослые кривятся, глядя на меня.

Староста вздохнул.

– Рюммери, уж кому и стоило бы горевать, так это мне. Я многое сделал для деревни, где меня на дух не переносят. А мой единственный друг – девятилетняя девочка, ноющая о своем уродстве.

Он положил руку на плечо Рюмси.

– Но девочка эта – самое удивительное создание, что я встречал – а повидал я многое, – и ее переживания смехотворны, подобно тому, как лиса, выросшая среди крыс, беспокоится о том, что ее огненно-рыжий хвост не такой облезлый, как у остальных. – Он убрал руку с плеча, и „умный” палец снова поднялся. – Будешь переживать о том, что думают другие – проживешь чужую жизнь.

Его приятное лицо, прищур глубоких серых глаз и тонкие, вечно ухмыляющиеся губы как будто специально были созданы для того, чтобы учить жизни. Когда староста состарится и отпустит бороду, из него выйдет идеальный мудрый старец.

Рюмси не смогла удержать улыбку при этой мысли. Реки иссохли. Порой и так бывает.

Тем временем староста подошел к промежутку между стеллажами и стянул покрывало. Рюмси увидела человеческий скелет. Его вычищенные добела кости совсем не походили на грязные стручки, которые находят собаки. Скелет не выглядел жутко, Рюмси нашла его даже забавным.

– По нему я изучал строение костей, – объяснил староста. – Что ты видишь?

– Кости и вижу. Человеческие. Наверное.

– А подробнее можешь рассказать о человеке, которому он принадлежал?

– Надеюсь, это не девочка, которая спустилась не в тот подвал? Прости, – извинилась она, когда староста нахмурился. – Он мог принадлежать кому угодно.

– Но человек был богат?

– Не знаю, у богачей разве кости другие?

– А много у него было друзей?

Рюмси снова пожала плечами.

– Принес ли он какую-нибудь пользу деревне?

– Без понятия. Обычный скелет, хоть и первый, что я увидела.

– Обычный скелет, который не говорит нам ничего. Хороший или плохой, богатый или бедный... Все мы умрем, превратившись в кости. Так не лучше ли заниматься тем, о чем мечтаешь? Ведь жизнь одна.

– А кормить меня тоже мечта будет?

– А чем бы ты хотела заниматься, если бы не нужно было переживать о том, на что жить?

Девочка немного покраснела:

– Я бы хотела рисовать карты. Как ту, что мы рисовали.

– Карты местности, – он улыбнулся. – Если ты что-то действительно любишь, то обязательно достигнешь успеха в любимом деле. И о том, что поешь, точно не будешь переживать.

– Правда? – Рюмси радостно улыбнулась. В конце концов, как любит повторять Брэкки: жить становится гораздо проще, если хоть немного верить в чудеса.

– За хорошую карту купцы и богатые путешественники заплатят тебе столько, что некоторые в Счастливицах за всю жизнь не заработают. Открою тайну: я всегда мечтал исследовать все подряд. Страны, города, разных животных... людей.

– Так и знала, что ты не ради лечения исследуешь труп.

– Нет. Но это не отменяет того факта, что я смогу приносить пользу людям. Кошка тоже не очень-то заботится о сохранности зерна и ловит мышей исключительно для своей выгоды, но, поймав мыш, она помогает и людям.

Он почесал подбородок и помрачнел.

– Этого не следует говорить ребенку, но ты умна... чересчур для своих лет. Я не говорю тебе делать что вздумается, но считаю, что черти правы со своим взглядом на жизненные ценности. Нужно делать то, к чему лежит душа, ибо мы не знаем, куда приведут наши дела. К примеру, твои карты помогут путникам, но они могут попасть и к плохим людям, которые пройдут туда, куда без карты не добрались бы. Спасая утопающего ребенка, мы не знаем, кем он вырастет.

Рюмси удивилась, уже в который раз. Отец иногда говорил, что мужик скорее поверит своей бабе, у которой дети на соседа похожи, чем черту. Она не совсем понимала эту поговорку, но суть уловила и поразилась тому, что староста ценил мудрость чертей.

– Что ты хочешь сказать?

– Хочу сказать, что если мы не знаем, к чему приведут наши поступки, то не лучше ли наслаждаться жизнью, не думая о последствиях? Понимаешь меня?

– Понимаю.

Он кивнул:

– Пошли уже наверх, а то еще простудишься.

Но Рюмси уставилась на одну из стен, рассматривая ее странную поверхность. Присмотревшись внимательнее, она сообразила, что на стене что-то нарисовано. Внезапно рядом раздался какой-то звук.

– А там у тебя что? – заинтересовалась девочка, когда одна из посуды на стеллаже снова дрогнула. Там в мутной стеклянной банке находилось какое-то существо.

– Взгляни, если хочешь.

Староста поднес факел к стеллажу и осторожно отодвинул крышку. Оранжевый свет залил мебель целиком, изгнав тени даже из дальних углов. Рюмси, осмелев, подошла поближе. Существо внутри, сильно напоминавшее крысу, подняло рыльце и принялохалось. У него совсем не было туловища, вместо этого из головыросло несколько отростков, походивших на облезлые хвосты.

– Зачем оно тебе? И что это вообще такое?

– Я бы и сам хотел знать. Оно похоже на песчаного марионеточника, хоть они и водятся только в гробницах Аакона.

– А где ты его нашел?

– Нашел не я, а Недовольный Дарелл. Знаешь его?

Недовольного Дарелла знали все. Рюмси кивнула. Староста продолжил:

– Он уверял, что нашел это возле Вечного Леса. И меня терзают смутные сомнения, прав ли я.

– Насчет чего?

– В Лесу обитает множество разных тварей, которые по какой-то причине не покидают его, за редкими исключениями, – староста кивнул на посудину с тварью. – Я склонен думать, что кто-то намеренно населил Вечный Лес всевозможными монстрами из разных стран только для того, чтоб никто не смог туда проникнуть. И окутал Лес какой-то магией, чтоб твари обитали лишь внутри и не покидали его.

– Разве Лес не появился... ну... сам по себе?

– Случайно вырос лес с деревьями, которые нигде больше не растут, и населенный смертоносными тварями, не способными его покинуть? Рюммери, да над ним даже птицы не летают. Лес явно создан, чтоб туда никто не вошел, словно внутри него тайны, знать которые запрещено. Вырос сам по себе? С таким же успехом можно наткнуться на деревянный забор и утверждать, будто деревья сами попадали друг на друга, а гвозди принес и вонзил ветер.

– Но этот твой... марионеточник как-то выбрался. Как и монстр, что того бедолагу на дерево загнал.

– Верно. Но это детеныш. Возможно, сила, которая сдерживает тварей внутри, меньше влияет на их отпрысков, – староста закрыл крышку и задвинул посудину обратно. – Пойдем.

Они вышли из подвала, за что Рюмси была благодарна.

– А ты встречал чертей? – спросила она.

– Несколько раз.

– Ух ты, расскажи о них!

Свинопас посмотрел на Рюмси. Как всегда, доброжелательно, но с хитрецей в глазах.

– В другой раз, – ответил он и с особой осторожностью достал с полки шкафа свиток пергамента. Неспешно развернув его, староста повернул лист лицевой стороной к Рюмси. На пергаменте красовалось изображение деревни Счастливики. Рисунки выглядели намного лучше, чем в последний раз, староста детальнее все разрисовал и украсил.

– Какая же она красивая! – проговорила Рюмси.

Староста, опутив взгляд, едва заметно улыбнулся – несомненно, радуясь ее восхищению.

– Первая моя карта, но она и твоя тоже, Рюммери. Ты и вправду мне очень помогла, – он протянул ей перо все с той же усмешкой на лице. – Видишь мое имя? Впиши рядом свое. Ведь это – наша карта.

Рюмси дрожащими руками приняла перо. Под его легкий скрип на пергаменте появилось и ее имя.

Это был лучший день в жизни Рюмси.

Глава 2. Озеро испражнений

1

Рюмси вздохнула. Это место называли «страдальной». Дорога, вымощенная плоскими камнями, змейкой вилась вверх. Идти по ней было гораздо тяжелее, зато путь таким образом получалось неплохо сократить. Рюмси старалась наступать на камни и, не дай боги, попасть ногой в щель – вывих обеспечен. Иногда промеж камней попадался ручеек, от чего те становились скользкими и еще более опасными.

Рюмси заметила, что на некоторых участках горы встречались мертвые пятна серого налета без крохи растительности, точно лишай на больном животном. Раньше такого не было.

Жара усиливалась, и, найдя прохладу в тени развесистого дерева, ребята наконец присели передохнуть.

Брэкки делился своими страхами:

– Самое опасное – это когда ты не ожидаешь нападения, – просвещал он. – Вечный Лес с его чудовищами, конечно, жуткое место, но нет ничего страшнее Кутного Бога и Вонидлы.

– Ко-го?! – скривился Кир.

– Кутный Бог – иногда домового так называют, – пояснила Рюмси. Что такое Вонидло, оставалось загадкой.

– И чем тебе домовый не угодил?

– Тем, что у себя дома мы беззащитны. Пускай мы везде и начеку, но дома-то можем расслабиться. Спокойно уснуть, не ожидая нападения, а Кутный Бог – раз, – Брэкки ухватил себя за шею, – и задушит тебя. Так же и Вонидло, – продолжал мальчик. – Сел ты, значит, по большой нужде, а он...

– Понял-понял, – вздохнул Кир. – Но какой смысл тревожиться по этому поводу, если все равно ничем себе не помочь? Только беспокойства лишние.

– Не совсем так. Чертов Хвост и Вещий Лист, – с гордостью объявил Брэкки, доставая из сумки засушенные растения, – средство ото всех негораздов.

– Ну вот, опять началось, – Кир безнадежно покачал головой и скривился так, словно у Брэкки вышеупомянутый хвост изо рта вывалился. – Это корень коллиды, лишь среди безмозглого народа его называют Чертовым Хвостом.

Рюмси не имела понятия, есть ли у чертей хвосты, но предположила, что если имеются, то будут выглядеть именно так, как этот засушенный корень.

– Черт бы тебя побрал! – выругался Кир, все же рассматривая дивные предметы. – И на это ты потратил свое добро?!

– Твои речи – тебе на плечи. Корень поможет мне внушать, а Вещий Лист покажет будущее, – пояснил Брэкки, словно не замечая укола. – А в нашем деле это ой как полезно.

Рюмси слышала о силе Вещего Листа. Поговаривали, что, если он проскользит вокруг руки – человек проживет целый день, а если круг окажется неполным – значит, умрет в течение дня. А вот о Чертовом Хвосте она ничего не знала.

В отличие от Кира.

– Внушение, может, вещь и полезная, не спорю, – проговорил толстяк. – Вот только жизнь куда полезнее будет.

– О чем ты? – явно нехотя спросил Брэкки.

– Допустим, ты даже знаешь, как правильно его заварить и настоять, – сказал Кир, насмешливо щури глаза, – и даже знаешь, сколько отвара нужно выпить.

Брэкки скривился. Выражение лица мальчика недвусмысленно говорило о том, что он не имел ни малейшего понятия, о чем толкует Кир.

– Но знаешь ли ты, сколько человек из... ста выживет после того, как попробует сей чудесный отвар? – продолжал толстяк. – А я тебе отвечаю: один. И то – если повезет.

Услышав это, Брэкки на мгновение поник, но затем его губы разошлись в улыбке.

– Так для того и Вещий Лист!

Он протянул Рюмси и Киру по листку.

– Я и для вас взял. Если не будет круга – значит, к развалинам идти не стоит. И вообще, конечно, не стоит рисковать в этот день. Не благодарите, – раздулся от гордости Брэкки. – Я слышал, как один такой Лист спас целую армию ааконцев от засады проклятых.

Брэкки положил Лист себе на ладонь и уставился на него, затаив дыхание. Рюмси и даже Кир заинтересованно следили за происходящим.

Листок пошевелился, будто от дуновения ветра, и начал двигаться. Он, как живой, проскользил вокруг кисти и вернулся на прежнее место.

Брэкки даже не старался скрыть свою гордость, он аж засиял от радости, но Кир лишь фыркнул:

– Но как ты узнаешь, что не сдохнешь на следующее утро? Лист показывает только, проживешь именно этот день или нет, – напомнил ему толстяк. – А о том, как из-за этого Листа погибали, ты, видимо, не слышал. Его довольно просто сделать, и, если бы он был таким полезным, им бы пользовались все подряд. – Кир отпил воды из фляги. – Кстати, – проговорил он, вытирая рот, – два дегейских принца погибли из-за этого листа.

– Что случилось? – снова нехотя спросил Брэкки, знаток всевозможных мистических вещей, но явно не принцев.

– Загвоздка в том, что Лист не показывает возможных увечий. Человек, зная, что не умрет в этот день, отважно идет в путь, ничего не боясь, и... падает, ломая ноги, или, например, попадает в плен к каннибалам. Но да, – добавил Кир издевательским тоном, – Лист всегда говорит правду: в этот день человек действительно не умирает.

Некоторое время ребята шли молча, предаваясь каждый своим мыслям и воспоминаниям. Единственными звуками, нарушавшими тишину, были их редкие громкие вздохи и ругань Киры. Одежда промокла от пота и натирала тело.

Дорога делалась все круче. Говорить стало трудно, а дышалось все тяжелее и тяжелее. Но вскоре показался спуск, и ребята снова решили передохнуть.

Когда-то Рюмси уже поднималась сюда в компании старосты, чтоб нарисовать карту деревни. Но приятные воспоминания сменились горькой картиной настоящего: буйная растительность этой местности вымирала. Вместо вечнозеленых сосен и елей торчали голые и мертвые стволы, подобно копьям воинства из рассказов о битве ааконцев против дегейцев, когда их страны еще враждовали.

Лишь горная речушка – равнодушная ко всему – по-прежнему тянулась змейкой, ее быстрый и неистовой рокот доносился даже сюда.

Ребята взобрались достаточно высоко. Снизу, как будто прямо под ногами, раскинулись Счастливики. С такой высоты деревня походила на молодой месяц.

Внизу стоял туман, или, возможно, пыль до сих пор не осела. Казалось, что, кроме черного и серого, там больше не существовало оттенков. Дома, в которых еще недавно кипела жизнь, стали развалинами и могилами.

– Еще чутка спуститься – и ты увидишь великана, – хвастался Брэкки, словно тот ему принадлежал. – Он здорову-ущий! Каждый палец с дерево. Будь великан жив, то десятком шагов пересек бы всю деревню. Чтоб мне в Лес попасть, да там и пропасть – если не так.

– Зачем ему шагать? – хмыкнул Кир. – Если ты не заметил, у него есть крылья. Тоже, между прочим, немаленькие.

– Что это за существо такое? Откуда он взялся? – спросила Рюмси ни у кого конкретно.

– Неизвестно, – ответил Брэки. – Даже старики не слышали о таких.

– А ты, смотри, умный, словно тиметрин. Скоро, небось, и третий глаз появится. Быть старым не значит быть мудрым, – пробурчал Кир. – Можно состариться, не покидая деревни, даже не зная, что творится за ее пределами.

– Старших нужно уважать, – категоричным тоном заявил Брэки.

– А в каких моих словах ты услышал неуважение?

– Кир, как будто я тебя не знаю, – торопливо ответил Брэки.

В глазах толстяка мелькнуло удивление, точно тот сказал глупость.

– Знаешь меня? – переспросил Кир, чуть заметно скривив губы. – Наверное, так же хорошо, как и стариков, которых ты уважаешь, при этом даже не догадываясь, как они жизнь прожили и что у них на уме.

Брэки не нашел, что ответить.

Рюмси шокировали слова Кира: уважение к старшим прививалось детям с малого возраста, и подобные речи приравнивалось к греху.

Кир покосился на нее, словно она озвучила свои мысли, и пояснил:

– Я всегда подам руку старшему, если тот не в силах подняться. Поднесу что-нибудь... Но не стоит заставлять меня уважать людей, о которых я не знаю ни черта, кроме того, что они старые.

Кир перевел взгляд на Брэки:

– А то, что ты огрызаешься, будто новорожденный котенок, боящийся всего подряд, говорит лишь о том, что ты не знаешь мира. Я не утверждаю, что все взрослые плохие и недостойны уважения. Но зрелость еще не показатель ума, достоинства и других... качеств. Неразумно любить людей и доверять им, ссылаясь лишь на седые волосы и морщинистое лицо. Даже самый злобный и мерзкий негодяй, если его не прикончат раньше времени, конечно, когда-нибудь состарится. Подумай над этим, Брэки. Мы не можем знать, что у людей на уме. В старой голове могут скрываться такие мысли, что и у пятилетнего, узнай он о них, волосы поседеют от ужаса.

В его голосе больше не сквозила привычная насмешка, там звучала печаль. Словно Кир давно уже не ждал от людей ничего хорошего.

– Разумеется, нам бы хотелось, чтоб все взрослые были добрыми, справедливыми и всезнающими, но, увы, это далеко не так. Уж прости, что я настолько прекрасные ожидания порчу такой уродливой правдой.

– Рюмси, а ты что думаешь? – мрачно спросил Брэки.

Рюмси вспомнила один случай, когда мужчина заманил девочку в Золотой Дом. Изнасиловал и убил. Он попросил малышку о помощи, и та спокойно пошла с ним, не чувствуя страха. Скорее всего, родители тоже учили ее, что взрослых нужно слушаться, им нужно помогать. А вот каким именно взрослым – не уточнили. Мужчина оказался не местным. Его быстро нашли и наказали. Но девочку это не вернуло к жизни.

Брэки смотрел на Рюмси с явной надеждой на поддержку. Она была благодарна ему, поэтому предпочла промолчать, пожав плечами.

Кир безрадостно улыбнулся.

– Последние слова я, пожалуй, заберу, – проговорил он и многозначительно добавил, увидев вопросительный взгляд Рюмси:

– От страха волосы не седеют. Думаю, это выдумка, чтоб лучше описывать и приукрашивать перепуг в какой-нибудь жуткой истории. Будь так на самом деле, мои волосы еще четыре года назад поседел бы, будто их пеплом посыпали.

Где-то залаяли собаки.

– Не думала, что у кого-то хватает еды, чтобы еще и собак держать, – проговорила Рюмси, чтобы сменить тему.

– Нет выбора, – пояснил Брэки. – Кто-то рыщет в развалинах, как мы, кто-то на меч пытается вскарабкаться, а кто-то в дома залазит, чтоб грабить. Поэтому мой брат и остается дома. Кое-кто для охраны пока еще собак держит.

– Что значит “вскарабкаться на меч”?

– Ну, говорят, меч усыпан драгоценностями – Багровым Закатом...

– Алым Закатом, – буркнул Кир.

– ...вот люди и лезут, пытаясь хоть что-то выковырять. Пока, конечно, безрезультатно. Покамест никому не удавалось, только калечат себя зря, срываясь с высоты. Мало того, и других тоже. Отец говорил – ему знакомый рассказал, – что у одного дядьки, когда тот взобрался почти на верхушку меча, порвалась нить, и полумесяц полетел вниз, – Брэки многозначительно помолчал и отчеканил: – И пробил череп человеку, стоявшему внизу! Когда ему обувь сняли, то из пятки кусок полумесяца торчал – насквозь пробил. Ясно, конечно – с такой-то высоты.

– Чертова жара, – промямлил Кир, вытирая сухой лоб. Каким-то образом он совершенно не вспотел. – Вот когда небеса сжалятся и пойдет дождь, ты, Брэки, спрячься куда вместе с отцом и его знакомым, чтоб не покалечило. Только представь, с какой высоты капли падают.

– Кир, а что ты думаешь о великане? – поинтересовалась Рюмси.

– Люди поговаривают о неких Дарителях, – начал толстяк, – вроде как специально разбрасывающих ценности, чтоб причинить вред.

– И тот, кто их возьмет, погибнет? – перебил Брэки.

– Не совсем. Тот, кто их возьмет, неплохо так разбогатеет.

– В чем же вред?

– В том, что взявший определенно разболтает о подарке судьбы. И на то место, где он раздобыл свое добро, сбегутся остальные. А уж их наверняка ждет смерть, как говорят. Возможно, я сам видел эти дары. Путешествуя, мы останавливались на ночевку. Странное чувство: сидеть возле сокровищ, видеть, как они поблескивают при свете луны, и ничего не взять.

– Ну даешь! Не взял ничего только потому, что тебе наплели баек? – фыркнул Брэки. – Да и вообще, ты же говорил, что первому, кто взял, ничего не будет.

– Я тоже сначала не очень-то поверил в эту... байку. Особенно понимая, что подобные богатства были бы мне очень кстати. Возможно, я бы и рискнул, не будь в ответе за сестренку.

– Но почему ты считаешь, что этот великан и есть Даритель? – спросила Рюмси.

– Тогда возле костра мне на миг показалось, что над нами возвышается огромное существо и мы стоим лагерем в тени его крыльев. Это... видение длилось лишь миг, когда ударила молния. Но я отчетливо увидел его и запомнил разочарованное лицо, понимающее, что мы не возьмем сокровище.

Они начали спускаться с горы. Вдали уже виднелась разрушенная площадь, вся в руинах, и нависшая над ней огромная скалящаяся пасть.

– Это навершие меча, – угадав мысли спутницы, пояснил Кир.

Пасть, выкованная с непостижимой детализацией, словно парила в небесах, наблюдала. А все из-за того, что лезвие меча – цвета глубокой ночи – не отбрасывало света и казалось невидимым.

– Наверное, ее сто ковалей ковали, – прикинул Брэки, имея в виду навершие. – Видели?! Видели?! Упал кто-то! Во дураки!

Что-то, кажущееся мелким насекомым, полетело с рычащей пасти вниз.

– Говорил же, только зря калечатся.

Солнце светило все ярче, туман почти рассеялся. И теперь Рюмси, слегка прищурив глаза от слепящего света, могла разглядеть великана. Он был виден даже отсюда – кажущийся издали совершенно обычным человеком, который прилег на спину. Прилег с мечом в груди. А невнимательный зритель из-за тумана и вовсе мог принять его за скалы.

– Жуткое зрелище, – безо всякой на то нужды заметил Брэкки.

Великан лежал там, где, по-видимому, и упал. Даже с такого расстояния Рюмси осознала, какой он массивный и как тяжело придавил свое страшное ложе. Его пальцы не уступали длиной стволам сосен, а ногти были величиной со взрослого мужчину. Глаза Рюмси заслезились, будто созерцание великана бросало вызов зрению. Его тело окутывал желто-золотой туман, поблескивающий искрами, как из костра. Казалось, это сами звезды кружат в диком танце, точно вредные дети, сбежавшие из-под присмотра Матери-Луны.

Все, что рассказывали Кир и Брэкки, оказалось правдой. Только они не сказали самого главного – насколько красивым выглядел великан.

Он уничтожил треть деревни. Принес лишь горе и смерть. Но первое, о чем подумала Рюмси – это существо являлось прекраснейшим из созданий, виденных ею за всю жизнь. На нем не было ни следов крови, ни ушибов. Странно, но по сравнению с мертвым великаном все вокруг казалось серым и безжизненным. Лишь он выглядел настоящим, блистающий красками. И никто этого будто не замечал. Кроме нее. Сердце Рюмси наполнила горечь и печаль от того, что такое прекрасное существо мертво. Его изящное тело лежало на разрушенных домах, роскошные крылья лунного цвета простирались в разные стороны. Рюмси заметила, что одно крыло сломано.

Великана, помимо совершенной красоты и огромного размера, ничто не отличало от обычного мужчины. Волосы гиганта слегка колыхались – казалось, даже ветер хотел насладиться прикосновением к столь прекрасному существу.

Неожиданно по ее щекам покатились слезы. Рюмси охватило смутное волнение, когда она взглянула на лицо прекрасного создания. Сердце заколотилось от напряжения. Она осторожно покосилась на ребят: заметили ли они то, что увидела она? Похоже, нет.

“Наверное, это лишь игра воображения и мне показалось”, – решила она. Понимая, что врёт сама себе.

– Ты плачешь? – удивился Кир, глядя на Рюмси.

– Конечно, она плачет. Или ты не знаешь, сколько горя эта тварь принесла? – вскрикнул Брэкки.

Кир фыркнул, но без злобы. Он оценивающе зыркнул на Рюмси, а затем взглянул на великана:

– Пойдем уже.

Рюмси молча двинулась, последний раз посмотрев на это прекрасное существо. На его тело, на голову, на точно такие же отметины под глазами, как у нее самой.

2

Когда ребята приблизились к деревне, вонь стала невыносимой.

– Какого черта они творят? – удивился Кир, имея в виду нескольких мужчин, ломающих стену в доме.

– Как будто не понятно, – отозвался Брэкки. – Умер кто-то.

– Представь себе, не понятно, – огрызнулся толстяк. – К чему тогда дом ломать?

– Человек умер в доме. Они ломают стену, чтоб вынести сквозь нее мертвеца. Потом дыру заделают. И если мертвец вылезет из могилы, то не сможет вернуться в дом, ведь дыры, через которую его вынесли, уже не будет, – спокойно пояснила Рюмси. В памяти всплыла замураванная стена в комнате, которую ей отвели в семье Брэкки.

Кир лишь пожал плечами и направился к развалинам, повязывая на лицо тряпку, но его остановил Брэкки:

– Ничего не забыл?

– Нет, – промямлил Кир. – Надеюсь, ты забудешь.

– Зачем испытывать удачу, когда будущее можно узнать? – лукаво усмехнулся Брэкки. Кир вздохнул и махнул рукой.

– О чем это вы? – подала голос Рюмси.

– О провидцах! О ком же еще? – презрительно буркнул Кир. – Как ты заметила, наш Брэкки ярый любитель разных предсказаний. Не понимаю только, для чего тратить время, если будущее постоянно хорошее?

Рюмси не удивилась: ей и прежде приходилось видеть в глазах Брэкки мечтательное выражение, ищущее чего-то волшебного и потустороннего.

Брэкки, ничего не ответив, направился к красивому деревянному дому. Кир и Рюмси двинулись следом.

Здание – известное среди местного населения как Золотой Дом – возвели во имя Создателя. Его стены украшали восхитительные узоры, изображавшие сотворение мира. На широкой каменной плите перед входом был высечен Золотой Город с огромной башней, достигающей до солнца.

Рассказывали, что сооружение строилось как храм. В Счастливики приехали жрецы-проповедники из Золотого Города и начали строительство. Дядя Свинопаса – тогдашний староста – словно ничего не замечал, всячески избегая встреч с проповедниками. Но в момент, когда прекрасное здание, наконец, возвели, он появился и потребовал у тех убраться, так как они строили без его разрешения. Жрецы, разумеется, негодовали, но все же убрались, не желая спорить с могучим колдуном.

Изнутри доносился шум голосов, хотя раньше здание всегда пустовало. Золотой Дом использовали только во время полнолуния. Там прятались.

Сидевшие и стоявшие возле входа люди провожали ребят любопытными взглядами. Рюмси совсем не хотелось знать, что у них на уме.

Внутри было тепло и тесно. Нестерпимо воняло потом и мочой. Народ вел себя, как на базаре, будто никто не знал, что происходит снаружи.

Кое-кто с любопытством посматривал на Рюмси. Девочка всегда притягивала к себе взгляды, это ее давно не удивляло. Но до сих пор раздражало. Некоторые, увидев Рюмси, кривились, открыто показывая свое презрение. Она делала вид, что не замечала.

Вскоре все потеряли к ней интерес, занявшись собственными проблемами.

Также в толпе она заметила несколько диггенов. Что неудивительно – огромных одноглазых тварей, превышающих ростом взрослого человека больше чем на голову, тяжело не заметить.

– Вот – предсказатели, – Брэкки указал на людей, разместившихся у стен.

Рюмси неохотно оторвала взгляд от диггенов.

– Такое впечатление, что этих... предсказателей с каждым днем все больше и больше, – проговорил Кир с недовольным лицом и уже тише добавил: – О, теперь и тот смуглый здесь, и он, значит, предсказателем заделался. А еще вчера по развалинам лазил.

– Ну, видать, именно вчера он и обрел свой дар, – слегка неуверенно предположил Брэкки.

– Ага, или резко перехотел лазить после того, как увидел, что стало с его товарищем, – горько усмехнулся Кир.

Рюмси окинула взглядом «провидцев». Компания оказалась самая разношерстная: старики, калеки, слепые... Складывалось впечатление, что все, кто не мог или не хотел работать, чудеснейшим образом становились предсказателями.

– Я недолго, – проговорил Брэкки, отводя от Кира взгляд, и скрылся в толпе.

– Зачем он свое добро тратит? Старуха вечно твердит ему одно и то же: “Все будет хорошо, а если и не повезет, то в живых точно останешься”. Или что-то в этом роде, – промямлил Кир.

– Они не даром... предсказывают? – спросила Рюмси.

– Вообще-то даром, – Кир почесал затылок, – но намекают, что неплохо бы чего-то получить.

Вдруг Рюмси почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд и остолбенела. Тот самый незнакомец, которого она видела через окно, когда отец пытался ее отравить.

Их взгляды встретились, и оба застыли, словно каждый нашел того, кого так долго искал. Рюмси поймала себя на мысли, что им нужно поговорить. И, словно зачарованная, побрела к нему.

Первое, что бросилось ей в глаза – длинные светло-желтые волосы и бледная кожа, вся в черных прожилках.

Рюмси невольно вздрогнула: у блондина отсутствовали обе ноги и рука. Ноги были отрублены до середины бедер, рука – до локтя. И хоть лохмотья, которые он носил, прикрывали его увечья, Рюмси почему-то не сомневалась: конечностей он лишился недавно.

Блондин слушал дедушку, иногда многозначительно кивая, хотя у Рюмси сложилось впечатление, что все внимание калеки приковано к ней. Девочка постояла совсем недолго, но ей казалось, что она уже знала все о неблагоприятных родственниках деда, его болячках и о том, что раньше жилось намного лучше.

Когда дед ушел, Рюмси покосилась в сторону Брэкки. Тот все еще беседовал – значит, время есть. Рюмси не знала, как начать разговор, но, к счастью, калека заговорил первым.

– Итак, тебе нужно предсказание? – спросил вкрадчивым и холодным голосом блондин, смотря на Рюмси таким взглядом, словно хотел узнать все, что находилось у нее в голове.

– Ты – предсказатель? Я думала, предсказатели должны разговаривать более... м-м... дивным голосом.

– А язык-то подвешен. Полагаю, считаешь себя умнее многих, – он криво усмехнулся, обнажив слишком хорошие для бродяги зубы. – Что ж, а сама-то как думаешь?

Внимание Рюмси привлек его кулон, висевший на шее. Прекрасный янтарь, похожий на огромную застывшую слезу. Внутри находился серый многогранный камень, из которого словно вытекал белый и черный дым. Или же наоборот – дым впитывался внутрь многогранника, от чего камень и становился серым. Толком не разобрать. От кожного шнура, на котором висело украшение, кожа блондина покраснела, точно от солнечного ожога.

– Думаю, что никакой ты не предсказатель, – наконец ответила Рюмси.

– Почему же тот старик решил обратное?

– Потому что ты... у тебя... – Рюмси запнулась.

Блондин закончил вместо нее:

– Потому что я калека?

Рюмси неуверенно кивнула. На мгновение ей стало жаль его. Хотя бы потому, что он оказался молодым и довольно красивым.

– Старик спутал меня с остальными убогими и немощными, – добавил блондин, и на его лице промелькнула тень улыбки. – Ведь все здешние провидцы именно такие – жалкие.

Теперь его ухмылка стала заметна лучше. Он походил на змею, готовую укусить.

– А почему так? – поинтересовался блондин.

– Судьба отняла одно, даровав другое, – поговоркой ответила Рюмси. – Но это не значит, что все... немощные владеют даром.

– К сожалению или к счастью. Но почему бы не подыграть глупцам, поддерживая их заблуждения? Как еще таким, как они – убогим, – выжить в этом мире?

– Но это не отменяет их лжи!

– Лжи? Разве днем бы у них получилось врать? – его аккуратные черты лица исказились в хитром оскале. – К тому же что в этом плохого?

Рюмси нахмурилась и слово в слово повторила речь старосты:

– Сладкое предсказание – наихудший вид лжи, поскольку утешает людей надеждой на лучшее, которого не существует.

Калека посмотрел на нее с любопытством:

– Какие удивительные слова для ребенка.

– Я не ребенок! – возмутилась Рюмси.

Блондин фыркнул:

– Счастливики – а ведь действительно подходящее название. Даже сейчас голод не сильно вас затронул. А раньше, пожалуй, и вовсе как в сказке жили. Вон сколько детей вокруг. А знаешь, как жилось другим? Люди всегда жили надеждой на урожай. И если морозы ударят чуть раньше, или солнышко пригреет больше, чем нужно – все пропало. Такая вот тонкая грань выживания. Голод им давно не в новинку. Только надежда дает силы, когда их уже нет. Силы жить дальше. Люди не станут грабить и бесчинствовать, когда есть уверенность, что все наладится.

Гостил я в одной деревне, где ведун имелся – настоящий. И правду он тоже поведал настоящую, о грядущем голоде. Как считаешь, помогло это... знание?

Рюмси пожалала плечами.

– В семьях резко стало не больше двух детей, от остальных избавлялись – все равно не прокормить. Новорожденных приносили в жертву всяческим богам; тех, кто постарше, продавали в рабство – чтоб не слышать их вопли. – Он пристально посмотрел на нее. – Как по мне, так лучше уж вера во что-то иллюзорное, чем такая правда.

– Но люди могут погибнуть! – возразила Рюмси.

– Скорее всего, – кивнул блондин. – Но они бы и так погибли. Все же провидцы делают доброе дело, сами того не осознавая.

Рюмси вопросительно подняла брови:

– Каким образом?

Калека не спешил с ответом, пытаясь что-то достать из кармана своей единственной рукой, но это ему плохо удавалось. Рюмси заметила кольцо на его мизинце. А еще взгляд девочки привлекла его сорочка, спрятанная под грязной накидкой. Сорочка, конечно, также не первой свежести, но Рюмси уже видела подобное одеяние. Когда-то похожей хвастался Свинопас, говоря, что она жутко дорогая и редкая.

Блондин наконец достал небольшую бутылочку и, вынув зубами пробку, сделал глоток.

– К сожалению или к счастью, когда упал... великан – вы ведь так его называете? – погибло множество людей, – проговорил он. – Даже полоумный не станет отрицать, что случившееся – страшная беда. Но сейчас голод. И если бы не это, все бы перегрызли глотки друг другу за крохи еды или того, что можно обменять на еду. Но теперь все рыщут по этим... могилам, люди нашли себе занятие.

– Но мы говорили о провидцах. Какое от их вранья благо? – спросила Рюмси.

– Как я уже сказал, они дарят надежду. Родитель не в силах видеть, как гибнут от голода его дети, пойдет на что угодно ради их спасения. Пойдет без страха. Если не сделать этого, они все равно погибнут, так, может, рискнуть? Представь великое множество таких матерей и отцов, которым нечего терять. Но узнав о том, что все обойдется, они ничего не станут предпринимать, а когда станет уже поздно – молча умрут. Не причинив вреда другим. Безысходность – источник возмущений и преступлений, надежда же охлаждает эти мысли.

Есть такая птица, клювом достает разных вредителей из дерева. Птица, несомненно, делает это ради поживы, и на дерево ей плевать. Тем не менее она приносит ему пользу.

– Не думаю, что птицы умеют плевать, – съязвила Рюмси.

– Провидцы уж точно умеют. А они, как эта птица, хотят наживы, но также делают и хорошее дело.

– Ты защищаешь их потому, что сам один из них! – сказала Рюмси с вызовом. – Я это могу сказать и без дара к предвидению!

– Я разве говорил, что один из них?

– Тогда что ты тут делаешь?

– Искал тебя.

Рюмси опешила, едва выдавив:

– З-зачем?

– Ты мне нужна для одного дела. Я рассчитывал найти хоть какие-то сведения о тебе, но ты сама меня нашла. *Пойдем со мной.*

Его последние слова отдались гулом в ушах, перед глазами все поплыло.

– Никуда я с тобой не пойду, – бросила Рюмси, тряхнув головой.

Калека нахмурился, явно чем-то удивленный. Его взгляд стал полон любопытства.

– *Пойдем со мной,* – медленно повторил он, не сводя с нее глаз. Его изменившийся голос напоминал говор иностранца или скорее сумбурный лепет пьянчуги.

– Я сказала, что никуда с тобой не пойду, – решительно заявила Рюмси. – Зачем мне вообще куда-то с тобой идти?

Блондин брезгливо скривил губы, словно само общение с ней стало ему неприятным. А затем рассмеялся, и от звука его смеха Рюмси стало совсем невесело.

– Сколько здесь людей, – он окинул взглядом толпу. – Простаки с их простыми потребностями. Я им даже завидую, по-своему.

– Что же тебе мешает быть попроще? – ошетичилась Рюмси.

– Что бы тогда сказал ребенок, которым я был, о взрослом, каким я стал? – проговорил блондин, о чем-то размышляя.

Рюмси не нашла, что ответить.

– Зря не хочешь со мной. По меньшей мере, там куда безопаснее, – сказал он, все еще погруженный в свои мысли. – К тому же я отвечу на некоторые вопросы.

– Это какие такие вопросы?

– Тебе лучше знать, – на его лице появилась самоуверенная ухмылка, – Красотулька Рюммери.

Рюмси вздрогнула:

– Откуда ты?..

– Мы так славно пообщались, что момент нашей встречи можно в чай вместо меда класть. Передумаешь, случится что плохое, – лениво бросил он, – приходи к скале, напоминающей два рога, в любое время.

Рюмси знала это место.

Калека махнул единственной рукой, кольцо блеснуло на худощавом пальце.

Из-за спины девочки появился тучный юноша. Он подхватил блондина и унес.

Рюмси подошла к Киру, как раз вернулся Брэкки.

Вдали показался пьяный старик и начал орать во весь голос:

– Зло уже идет к нам из Вечного Леса. Я видел сон, всадник – весь в черном и на черном коне – приближается и смерть несет.

– Опять старик набрался в такую рань, – улыбнулся Брэкки. – Рюмси, что сказал тот провидец, к которому ты ходила? – спросил он с жадным интересом.

– Муть какую-то, – ответила Рюмси, не желая ничего рассказывать.

– Понимаю, провидица тоже не ответила, ждет ли меня удача, зато сказала, что сегодня со мной ничего плохого не случится, – похвастался Брэкки. – Может, и не совсем то, что я хотел услышать, но недурно, вполне недурно.

– Меня это ничуть не удивляет, – пробурчал Кир. – Тем более она подтвердила предсказание Вечного Листа. Теперь осталось решить, к кому первому идти возмущаться, если что

случится: к полоумной старухе или к гниющему листу? Но не вздумай на себя злиться – собственная глупость редко бывает достойна негодования.

3

Рюмси, Брэки и Кир покинули Золотой Дом.

Кир оглянулся и смачно плюнул в сторону здания.

Солнце только недавно поднялось, но воздух возле развалин уже дрожал от жары. А доносящийся оттуда запах грозил вывернуть желудок.

Вдали показалась компания из шести человек, идущая напрямиком на ребят.

– Зосик, – словно выплюнул Брэки.

Компания подошла. У одного из них на поясе висел меч. Настоящий, в ножнах.

Владелец меча с высокомерным и заносчивым видом шагнул вперед, поочередно разглядывая каждого и кривя в улыбке верхнюю губу, над которой виднелся светлый пушок.

– Пагни, это же наш пузатый джужок Киг. Видать, хогошо ему жить-то – и сам жигнеет, и шайка его гаснет, – проговорил он, протягивая руку.

Кир, явно напряженный, но не испуганный, молча отдал ему небольшой мешочек.

Тот довольно хихикнул.

– Стало быть, до завтга, – попрощался мечник, прищелкнув языком и взвешивая подачку.

– Угу, – безжизненным голосом отозвался Кир.

Один из приятелей мечника подмигнул Рюмси, но, разглядев ее лицо, поморщился и сплюнул.

Получив свое, шайка удалилась.

– Ур-р-род, – протянул Брэки, слегка выпрямившись после их ухода, – сегодня ты ему легко отдал.

– Решил не провоцировать, – с досадой сказал Кир. – Зосик только и ждет, на ком бы сорваться. Вчера одного из его дружков закололи.

– Ничего себе, – раскрыл рот Брэки. – То-то их сегодня шестеро. Видать, не на тех нарвались.

– Да нет, обычный дядька. Один к тому же. Не хотел отдавать последнее.

– Откуда у этого Зосика меч? Не очень-то он на воина похож, – поинтересовалась Рюмси.

– Нашел, – брезгливо ответил Брэки, и в голосе его угадывалась зависть. – Он раньше, как и мы, рыскал по развалинам. За такое оружие мог бы получить кучу всего.

– Но он решил оставить его себе, – добавил Кир. – И теперь, имея меч, он и так сможет получить... кучу всего. По-своему умно.

– Лучше кусочек от кусочка, чем в уголке по кусочкам, – поговоркой отозвался Брэки. – Отец говорит, что мало иметь меч, нужно уметь им пользоваться, – важно заметил он.

– Что же ты вечно стоишь перед ним как вкопанный? Поверь, он тебя зарубит и без умений, – насмешливо сказал Кир.

Брэки не нашел, что ответить толстяку, и лишь бросил на него рассерженный взгляд.

Ребята повязали на лица мокрые тряпки и двинулись вперед.

Хотя дождь не падал уже давно, вокруг стояли лужи неестественного ярко-зеленого цвета. Казалось, воздух загустел от зловоний и тревожных мыслей. Невыносимо несло тухлым смрадом гнилого мяса. Вокруг роились тысячи мух.

– Фу ты! – поморщился Брэки.

Прямо под ногами валялись мертвецы, их тела шевелились от полчищ червей. Рюмси едва не вывернуло.

– Твари! – выругалась она, все же решившись рассмотреть несколько тел.

Счастливики были завидной деревней, отчего и заслужили такое название. Но жизнь возле Вечного Леса – это всегда борьба за существование. Такое соседство давалось нелегко. И люди нередко погибали. Староста придумал “полумесяц”. Каждый житель деревни носил на шее серебряный медальон, изображающий форму деревни. Нашедший мертвое тело может забрать себе серебряный полумесяц, но будет обязан либо отнести тело к родным, в деревню, либо похоронить несчастного.

Мертвецы, гнившие под открытым небом, были без медальонов.

Бродившие рядом люди, увидев изумление Рюмси, тоже уставились на трупы. Но, не найдя там ничего, достойного внимания, теперь уже с любопытством пялились на самую девочку.

Неожиданно Рюмси заметила заваленный камнями кусок хлеба. Несмотря на явную черствость и цвель, еда выглядела заманчиво, словно грех. Девочка подняла хлеб, протерла рукой и, сняв повязку, уже намеревалась жадно впиться в желанную пищу, как вдруг ей в лицо влетела палка. Удар чуть не выбил из нее сознание. Глаза наполнились слезами, а кровь хлынула ручьем.

– Что ты творишь?! – речь девочки стала невнятной, она с трудом дышала.

– Дура тупая! – рявкнул Кир, подходя к ней. – Еле успел.

Рюмси согнулась, держась за лицо.

– Прости, я не хотел... Не было выбора.

Толстяк неловко прикоснулся к ней, будто это могло заглазить его поступок. Рюмси резко убрала его руку.

– Еда слишком долго пролежала среди трупов. Теперь она тоже несет смерть, – Кир умолк, сглотнул и продолжил уже привычным голосом:

– Слушай, о тебе ведь думал. Черт подери! Если бы мне было плевать, я бы позволил тебе сожрать хоть всю еду, с трупами в придачу!

Рюмси чувствовала, что он говорил правду. Да и не мог он соврать. Слова Кира были ей приятны, но она пыталась не показать этого. Толстяк стянул с лица повязку и протянул ей.

– На вот, вытри кровь.

Рюмси не стала противиться и приняла ткань, коснулась языком десен и облегченно вздохнула – зубы на месте. Не хватало ей с таким-то лицом еще и беззубой ходить.

– Рюмси, у тебя кровь! Что случилось? – появившись, прокричал Брэкки.

– Я... – начал Кир, глядя себе под ноги.

Но Рюмси не дала ему договорить.

– Сама виновата – не знаю еще, что к чему, – уклончиво ответила она, облизывая разбитую губу.

– Ну, давай осторожнее, – вздохнул Брэкки, видимо, решив, что она сама ударилась.

Рюмси заставила себя ответить с улыбкой:

– Обязательно.

Когда они отошли, Рюмси услышала чудовищно мерзкий и влажный звук. Оглянувшись, она увидела, что на мертвецов накинулись несколько собак, буквально разрывая трупы, отчего тела заплясали, нелепо подражая живым.

Дальше зрелище выглядело немногим лучше: эта часть Счастливицков еще больше напоминала кладбище. Руины придавали деревне серо-зеленый цвет с редкими прожилками деревьев, чернеющих на фоне развалин. Их лишенные листьев ветви походили на простертые к небу руки мертвецов.

Мрачные, закутанные в тряпье люди бродили среди руин, иногда поглядывая на ребят с равной долей недоверия и враждебности. Большинство же слонялось с таким отрешенным видом, будто жизни в них оставалось не больше, чем в тех, кто погребен заживо.

– И мы туда отправляемся? – ужаснулась Рюмси.

– А ведь ты только-только начала мне нравиться, – сказал Кир. – С тобой столько всего случилось, но ты ни разу не заняла.

Рюмси могла поклясться, что заметила тень улыбки на его лице.

– Да, меня тоже это не радует, – проговорил Брэкки, не обращая внимания на Кира. – Но представь, что перед нами озеро из... испражнений.

– Это нелегко представить, – усмехнулась Рюмси. – Такого ведь не существует.

– Ты просто не видела, что оставляет после себя войско, покидая место стоянки, – буркнул Кир.

– Так вот, представь озеро испражнений, которое нам нужно перейти, ибо на другой стороне лучшая жизнь, – продолжил Брэкки. – Идя посередине, ты будешь брести по шее, но перейдешь его за день. Можно идти по колено, но придется идти неделю. Я вот считаю, что лучше перейти быстрее. По шею или по колено – все равно в испражнениях.

Глаза Брэкки лукаво сузились, под повязкой угадывалась улыбка. Рюмси улыбнулась в ответ – хорошо сказано.

– Складно говоришь, черт возьми, – сказал Кир. – Только не озеро испражнений. Называй вещи своими именами – озеро дерьма.

Ветер печально завывал у разрушенных стен и, судя по тому, как люди морщились и прятали лица, приятнее не стал.

За что Рюмси была благодарна Киру, так это за то, что он избавил ее от сего мерзкого зловония. Из-за удара в нос она перестала ощущать запахи.

И все же даже на языке чувствовался принесенный ветром вкус гари и пыли, пепла и чего-то отвратительно знакомого. Рюмси не знала, как долго еще сможет это выдержать. Из головы будто выдувало все чувства, кроме страха и отвращения.

Ребята медленно продвигались по вязкой грязи, в которую превратилась земля деревни. Иногда слышался чей-то крик, на который они старались не обращать внимания. Рюмси заметила, что каждый раз, когда раздавались вопли, Брэкки и даже Кир сжимали кулаки, иногда переглядываясь между собой. Но в основном единственными звуками оставались хлюпающие шаги ребят и жужжание насекомых.

Рюмси не знала, чем закончится их вылазка, но не сомневалась, что жуткие картины, свидетельницей которых она стала, будут сниться ей до конца жизни. Девочка бросила взгляд на Брэкки с Киrom и по их виду поняла, что увиденные ужасы будут преследовать не только ее.

Единственное, о чем она сейчас мечтала, так это смыть с себя вонь, которая прилипла к телу вместе с потом. И плевать, что даже в такую жару вода в реке ледяная.

– Брэкки, черт бы тебя побрал! – вспыхнул Кир, резко останавливаясь, от чего Рюмси и Брэкки чуть не врезались в него. – О каком таком мече ты твердишь?!

– Чего?! – непонимающе уставился Брэкки.

– Он ничего не говорил. Мы молча шли, – отозвалась Рюмси. Хотя тоже слышала странное звучание в голове, будто кто-то расспрашивал о мече. Правда, звучавший голос походил совсем уж на детский.

А еще появились странные грибы. Рюмси впервые видела такие. Они разрослись везде. Жуткие на вид и размером с ладонь. Складывалось впечатление, что кто-то переворачивал здесь горящую свечу и капающий воск превращался в грибы всевозможных форм, большинство из которых напоминало застывших в разных позах уродливых и кривых человечков. Казалось, даже мухи старались держаться от них подальше. Рюмси заметила, что те грибы, которые находились в тени, горели гнетущим желто-зеленым светом.

Даже учитывая все приятные моменты, связанные преимущественно со старостой и матерью, жизнь Рюмси никто бы не назвал счастливой, особенно последние месяцы. И все-таки девочке было невыносимо больно видеть, что стало с деревней. Она даже думать не хотела, что среди этого ужаса погребены ее родные.

Обломков становилось все больше, и ребята вышли из грязи. Идя по камням, они замедлили шаг, опасаясь подвернуть, а то и сломать ноги, провалившись в одну из многочисленных щелей и дыр.

На удивление Рюмси, атмосферу нагнетал не Кир, а Брэкки.

– Вчера один парень тут споткнулся, и его что-то утащило.

– Какого черта ты именно сейчас решил это рассказать?! – рявкнул Кир. – Тем более, скорее всего, он просто провалился.

– Ага, в дыру, куда и кошка не пролезет. Говорю тебе, его что-то затянуло. Хотя я и далеко стоял, но как вспомню его крик, аж жуть берет. Тело мялось и ломалось, точно те куклы, с которыми мелочь играет.

– А ты, пожалуй, с такими куклами не играл, – фыркнул Кир.

Брэкки не удостоил его ответом.

Рюмси, вглядываясь в темноту между камнями руин, предпочла думать, что бедолага все же провалился.

– Тут повсюду веревочные лестницы. Почти под каждым обломком, – ворчливо заметил Кир. – Зачем вам столько?

– Это Лунная Дорожка. Мы, – пояснила Рюмси, имея в виду жителей Счастливицков, – не всех покойников закапываем в землю. Некоторых сжигают вместе с лестницами. Люди верят, что их души взберутся по ней на небеса, к самой луне, в Мир Мертвых.

– Я думал, в Счастливицах не верят в богов и подобные вещи, – удивился Кир.

– Конечно, верят и даже почитают, просто нам запрещено поклонение, мольба и просьбы.

– Постой; черт бы вас побрал, не пойму, к чему такие отличия – одних закапываете, других сжигаете?

– Когда пришли первые поселенцы, они принесли свои традиции. Другие поселенцы – другие традиции.

– А еще у нас есть Мертвячий Путь, – радостно похвастался Брэкки.

– Угу, не сомневаюсь, – отрезал Кир, давая понять, что уже потерял всякий интерес к этой теме.

Они остановились.

– Сейчас разделимся, но далеко не расходимся, – проговорил Брэкки, обращаясь к Рюмси. – Старайся найти что-то ценное, но не бери ничего большого и... не лезь в щели.

– Почему большое нельзя? Я смогу донести, не смотри, что я девочка.

– Потому что отберут, – отозвался Кир, – или похуже, – он провел пальцем по шее. – Понимаешь? Старайся найти хоть что-то стоящее, но то, что легко спрятать.

Не успели ребята разойтись, как к ним подошел тощий человек и демонстративно показал заточенную кость, напоминавшую огромный зуб хищного чудовища. Взгляда хватило, чтоб понять, насколько она острая.

– Быстро. Все, что есть. Усекли? – прошипел незнакомец и нервно огляделся.

Его седые волосы развевались на ветру, и казалось, голова дымится от злобы. Но голос грабителя оставался холоден.

– Конечно. Конечно, – поспешно проговорил Кир. – Отдадим все, что имеем.

Брэкки молчал, будто лишившись дара речи.

Вдруг из-за развалин, так же неожиданно, появился гигант. Его единственный глаз – величиной с яблоко – находился посреди лба. Дигген.

На выбритой до блеска и покрытой шрамами голове красовался высокий пучок волос. Из носа и маленьких ушей торчали костяные серьги. На первый взгляд дигген казался громадным истуканом, вытесанным из камня неумелым мастером. Либо умелым – но куда-то спешившим. Рюмси впервые видела диггена так близко и, приглядевшись, удивилась, не найдя в его нечело-

вечности ничего отталкивающего. Наоборот, глаз гиганта завораживал. Казалось, внутри него умирает маленькое солнце.

Грабитель резко спрятал нож и собрался удалиться, но дигген, с невероятной для своей комплекции ловкостью, преградил ему путь.

Мужчина еле доставал одноглазому до груди. Дигген представлял собой жилистое существо, похожее на человека, с устрашающей и невероятно развитой мускулатурой.

– Я послушал и позырил – и понял... Ты девочку и мальчинок охрабить хошешь, – прогремел одноглазый. Голос звучал, как из бочки.

В глазах грабителя блеснул вызов, но быстро угас.

– Я тебя не понимаю. Что тебе надо?! Приползли к нам, так хоть язык выучите.

Одноглазый нахмурился. Казалось, все эмоции на его морде умножились многократно.

– Я ничаво не хочу. Я служу Корочу. А Короч хочет порядок.

От этого имени Рюмси неосознанно скривилась. Короч – человек, виновный в смерти старосты.

– Буду спрашивать. Ты – отвечат. – Громила уставился на мужчину своим глазом. Под кожей диггена перекачивались сильные мускулы.

– Хорошо, – рявкнул грабитель, с его губ полетели брызги слюны. – Надеюсь, пойму твой лепет. Находишься среди людей – говори по-людски.

Хотя он старался вести себя нагло и смело, Рюмси почувствовала страх в его голосе: казалось, он боялся того, что должно произойти.

При всей напряженности ситуации Рюмси с интересом изучала диггена. Он носил хоть и грубо сшитые, но явно практичные штаны, из прекрасно выделанных шкур. На поясе висело несколько дорожных сумок, три кривых рога, разных по размеру, и странный топор, сделанный из челюсти какого-то животного. Бугрящийся мышцами торс ничего не прикрывало, если не считать густой растительности. На предплечьях одноглазого гиганта виднелись замысловатые наколотые рисунки: лицо с тремя глазами на правой; странный рисунок на левой – двуглазый ребенок, который держал отрубленную голову диггена.

– Повумесяцы снимал с мертвых людов? – прогремел гигант, глядя ему в глаза.

– Да, – ответил тот и поспешно добавил: – Но потом хоронил.

– Убивал людов?

Мужчина устремил взгляд в небо.

– Ну, убивал.

– Убивал, шоб засчитаться или охрабить?

Грабитель долго молчал, глядя на диггена. Его глаза стали мокрыми, рот начал дрожать. Он тяжело сжегивал каждую букву, будто молоко у старой козы. Безрезультатно. Попытаться лгать днем – глупая затея.

Мужчина схватился за живот, словно от боли. И вдруг резко выпрямился, замахнувшись на одноглазого – лезвие ножа мелькнуло возле шеи гиганта.

Но одноглазый увернулся. При этом умудрился схватить злоумышленника за руку. Послышался треск, и нож выпал из руки. Грабитель испустил не то стон, не то рыдание. А затем его рот исказился в беззвучном крике.

Дигген слегка склонил голову набок, будто удивляясь полной беспомощности своего соперника, и свободной рукой потянулся к его испуганному лицу.

Рюмси резко отвернулась, понимая, что сейчас произойдет. Тем не менее услышала мерзкий влажный звук. Открыв глаза, она увидела, как побелело лицо Брэкки. На грабителя она старалась не смотреть. Его тело все еще дергалась в луже крови, которая растекалась во все стороны, а голова превратилась в месиво.

Диггена уже не было рядом.

– Он... убил его... – прошептала Рюмси.

Кир кивнул, ничего не ответив.

Брэкки стоял весь бледный и опирался рукой о стену, боясь потерять равновесие.

– П-почему он нам не задавал вопросов? – спросила Рюмси первое, что пришло в голову.

– Они не трогают детей, – ответил Кир и добавил: – Пока не трогают.

Брэкки подошел к Рюмси. Сейчас он выглядел даже бледнее Кира.

– Не рассказывай маме о случившемся, – испуганным шепотом произнес он.

Рюмси кивнула: хорошо.

– И вообще, не нужно говорить, как тут... опасно, – добавил Брэкки.

Рюмси опять кивнула. Она не стала говорить, что его мать, скорее всего, сама прекрасно понимает, как тут.

4

– Не хочешь все послать к черту и завязать с этим? – спросил Кир у Брэкки.

Брэкки хмыкнул, легко пнул камень.

– Как будто лучше с отцом трупы закапывать.

– Здесь мертвецов не меньше. Вон сами мало не присоединились к ним. Как и вчера, как и позавчера...

– Так я ж о чем, – Брэкки нагнулся посмотреть, что под доской. – Тут хотя бы поинтереснее, не знаешь, когда можно найти что-то стоящее. По-своему приключение. – Подняв какую-то облезлую шкуру, мальчик скривился и выбросил находку.

Только Брэкки еще хотел что-то искать. У Рюмси после случившегося охоты поубавилось, и у Кира, как она поняла, тоже. Толстяк даже не смотрел себе под ноги, из-за чего пропустил небольшое зеркальце. Нога наступила – стекло треснуло.

– Ой-йю, что ж ты делаешь?! – проорал Брэкки.

– Не думаю, что много бы за него получил, – без особого расстройств выдавил Кир.

– Ну и что? Кинули бы в брехливую сумку. Не смотри в него, дурак ты несчастный, – Брэкки накрыл зеркальце тканью, которую снял с лица. – Это ж сколько беды ты на себя накликнул! Осторожней надо быть.

– Ничего я не накликнул, – огрызнулся Кир. – Потому что не верю во всякую ерунду.

Брэкки сплюнул в сторону зеркала, зачем-то вытер свой плевком и оторвался вперед.

– Кир, а ты почему здесь? Не похоже, что ты нуждаешься в еде, – поинтересовалась Рюмси.

– Ты права, хотя еда у меня не бесконечная, – он почему-то выделил последнее слово.

– А что же тебе нужно?

– Иногда мы выбираем не из того, что хотим получить, а из того, что боимся потерять.

Подбежал Брэкки.

– Вы ищете, или как? Вон что я нашел!

Он приоткрыл мешок. Внутри красовался серебряный подсвечник удивительно красивой работы.

Рюмси отбросила сомнения и тоже принялась искать. И почти сразу нашла. Диггена!

Он сидел, опираясь о стену. Его широкая грудь тяжело поднималась и опускалась. Казалось, вздохи, вырывающиеся из его рта, разносились по всей деревне. Взгляд Рюмси остановился на потеках запекшейся крови, покрывавших могучее тело гиганта. На мгновение она решила, что это предсмертные конвульсии и судороги. Дигген прикрывал рукой шею, между пальцами сочилась кровь. Гигант был весь мокрый от пота.

– Эй, ты чего? – опешил Брэкки.

Рюмси присела и, протянув бурдюк, смочила бедолаге губы. Это был другой дигген. И дело даже не в том, что голова у него была полностью лысой, а серьга висела лишь в носу.

Зато соски пробиты кольцами. Рюмси поймала себя на том, что диггены разные, как и люди, а вовсе не одинаковые одноглазые монстры. И, как люди, они тоже чувствуют боль, а из ран у них сочится такая же кровь. А на широком и уставшем лице виден страх.

– Он еще жив, – сказала Рюмси очевидное.

– Ага, жив, хотя по мне – так лучше бы сдох, – ляпнул Брэкки.

– Отойдите. Пожалуйста, – раздался за их спинами мощный голос.

Рюмси вздрогнула и обернулась. Несмотря на утверждения Кира, она не сомневалась, что сегодня точно поседеет.

Сзади возвышался могучий силуэт. Дигген. Еще один.

Рюмси поднялась, и все равно ей пришлось глядеть на диггена с высоко поднятой головой, поскольку тот был вдвое выше ее.

– Что с тобой стало? Совсем размяк среди двуглазых, – обратился появившийся гигант к собрату.

– О, Гошо! Рожмяк я, видать, – признал тот, едва шевеля губами, и зашелся кашлем. – Буду погибать?

Пришедший дигген, которого назвали Гошо, нахмурился, провел руками по его телу:

– Только шея? Ножом?

– Угу. Не молчи. Буду погибать?

– Разумеется, как и все. Но не сегодня. Сколько их было?

– Еден, – и добавил: – Пред оком.

– Понятно. Со спины напали.

– Угу. Сжади.

Раненый дигген откашлялся вновь и затих.

Гошо достал какие-то листья и бросил себе в рот. Прожевав, выплюнул себе на руку густую зеленую жижу и залепил шею раненому. Рана стала выглядеть так, будто поросла мхом.

– Потерпи чутка, – прогремел гигант. – Будешь жить. Еще не раз выпьем крепкого гоха.

Рюмси выдохнула и улыбнулась.

– Эти твари живучие, как не знаю что, – без особой радости проговорил Брэкки.

Дигген оглянулся и смерил Брэкки пронизывающим взглядом:

– Ты должен как минимум проявлять уважение к... этим тварям, – он выделил последние слова.

– Почему это мне вас уважать?

Дигген словно не услышал вызов, звучавший в голосе Брэкки.

– Потому что мы могучий, хоть и не гордый народ. И по причине горя, которое пришло к нам, вынуждены выживать на чужбине, – его глаз словно сверлил Брэкки. Тот аж побледнел от такого. – Нас много. Мы сильны. И мы в отчаянии. И вам бы стоило быть благодарными, что мы ищем хоть какую-то работу у вас, а не нападаем на ваши селения, – дигген ухмыльнулся и выглядел так, будто протягивает обмазанное в дерьмеце яблоко, наблюдая за реакцией Брэкки. – Подумай об этом, люденек, прежде чем открывать рот. Ты ведь не чертенок с тысячей дополнительных шансов.

Он перевел взгляд на Кира и словно бы удивился, но, не сказав ничего, вернулся к собрату и начал обрабатывать раны на груди.

– Я не думала в таком ключе, – неожиданно для себя проговорила Рюмси. – Мы, люди, действительно должны ценить, что вы приходите с миром.

Гошо повернулся к Рюмси, изучающе смерив ее взглядом. Его глаз казался глубоким колодецем, на дне которого угасала звезда.

Многое можно разглядеть одним глазом. А иногда и двух недостаточно.

* * *

Рюмси уже смирилась с тем, какими сделались Счастливики, но все еще не могла принять того, какими стали жители деревни. Видя вблизи мертвое тело, они не хватались за голову и не начинали паниковать, не сбегались к мертвым, не кричали “посмотрите”, никто даже не обращал внимания на то, как двое головорезов убивали кого-то. Все стали безразличны к чужому горю. И это пугало больше всего. Сильнее Рюмси боялась лишь одного – стать такой же равнодушной.

– Тот дигген разговаривал не так, как они все, – проговорила Рюмси, стараясь отвлечься от своих мыслей.

– А по-моему, так же, – сказал Брэкки.

– В отличие от некоторых, ему знакомо слово “тысяча”, – хмыкнул Кир, но все же пояснил: – Это “двадесятый”. Говорят, среди двадцати диггенов попадаетеся один, намного... умнее остальных.

Но больше он ничего не добавил. Никому не хотелось разговаривать.

Они шли молча.

– Вот тот бородач, – указал Кир на торговца. – У него выгоднее всего сдавать.

– Ага, куда уж выгоднее. Он мне за золотой обруч всего жменю пшеницы дал, – пожаловался Брэкки.

– У остальных ты бы получил еще меньше. Можешь не сомневаться. К тому же, – развел руками Кир, – он сейчас единственный торговец в деревне.

Кир остался стоять в стороне, взглядываясь в развалины, пояснив, что не нашел ни черта стоящего.

Брэкки и Рюмси подошли к торговцу.

Тот стоял в тени полуразрушенной стены. Вокруг царил такой погром, что Рюмси даже не могла понять, кто раньше жил в этом доме, до того, как он превратился в обломки.

Бородач носил длинную одежду, напоминавшую мешок с отверстиями для головы и рук, но мешок роскошный, цветной. А на голову торговец намотал какое-то тряпье, играющее, видимо, роль головного убора. В руках он держал нанизанные на нить небольшие округлые камешки, которые бережно перебирал пальцами. Неподалеку от него стояла повозка со всяким добром и три молчаливых головореза, остужающих любопытство.

– Да благословит вас Создатель, – приветливо прокричал бородач и уже тише продолжил: – Думаю, вы что-то хотите продать, молодые люди.

– Вот, – Брэкки скупно улыбнулся, неуверенно протягивая ему серебряный подсвечник.

– О! Это, без сомнения, одна из лучших вещей, когда-либо созданных человеком, – ласково проговорил торговец, рассматривая изделие.

Все же Рюмси уловила в его голосе скрытую насмешку, что ей, разумеется, не понравилось. Но она оставила свои мысли при себе, тем более, кроме этого человека, им не с кем больше торговать.

– Я могу получить за него вон тот мешочек с зерном? – спросил Брэкки, не скрывая радости.

– Как жаль, как жаль, – голос торговца вмиг сделался масляным. – К сожалению, я не могу исполнить вашу просьбу. Видит Создатель, в прежние времена вы могли бы легко получить за него мешочек зерна, и не один. Но сейчас... беспокойно и не до излишеств. Кому нужен подсвечник, когда есть нечего?

Брэкки мрачнел с каждым словом торговца.

– Но я не могу взять и отмахнуться от тебя, мальчик мой. Ведь понимаю, в какой ты нужде. Возьми, и да хранит вас Создатель.

За серебряный подсвечник Брэки получил жменю высушенных фруктов и несколько полосок сушеного мяса.

– А у тебя что, девочка? – спросил торговец у Рюмси, задержав взгляд на ее лице. Он уже потерял к Брэки всякий интерес.

Рюмси вытащила и протянула ему нож. Тот самый, который мог лишить ее жизни. Глаза маячащих за его спиной охранников сверкнули. Но в этом блеске мерцала не только осторожность.

Торговец одарил ее улыбкой.

– Хорошая вещь, – начал он. Одной рукой бородач ловко перебирал каменные шарики, в другой держал оружие. Рюмси опять уловила насмешку в голосе.

Один из охранников не сводил с ножа взгляда, хотя тот уже находился у торговца.

– А главное, полезная, – проговорила Рюмси. – Особенно в теперешние беспокойные времена.

– К сожалению... – горько вздохнул торговец. Его сладкий голос снова преисполнился сочувствием, а вот блеск в глазах говорил об обратном.

Рюмси поняла, куда клонит бородач, и решила, что нужно рискнуть.

– О, простите, но я не к вам обращаюсь, – усмехнулась Рюмси своей самой милой и фальшивой улыбкой, забрав нож, и бросила взгляд на охранника. – Так что, возьмете? Мешок зерна – и он ваш.

Охранник – чернявый красавец с густыми бровями – ухмыляясь, кошачьей походкой двинулся к Рюмси и взял у нее оружие. Взвесил, погладил рукоять, ловко перекинул из руки в руку. Провел пальцем по заточенной грани, а когда выступила кровь, обернулся к своим и громко рассмеялся.

– Дай девочке мешок. Вычтешь потом из моей доли, – проговорил головорез.

Торговец уставился на охранника прищуренными глазами, сдавив бусы так, что побелели пальцы. За густой бородой, несомненно, скрывались искривленные губы.

– Слезы Создателя, может, хоть поторгуешься? – прошипел бородач, покосившись на Рюмси.

– А зачем? – пожал плечами охранник, подмигнув девочке. – Я в этом не разбираюсь. А вот в оружии знаю толк, так что, как ты любишь говорить, сделка выгодная. И, возможно, этот самый нож даже спасет твою жизнь.

Торговец больше не стал противиться. Он неохотно протянул Рюмси мешок с зерном, добавив несколько слов на своем родном языке. Явно дегейских и явно обидных. Больше он не сказал ничего, хотя Рюмси продолжала чувствовать его недовольство и раздражение, причиной которых являлась сама. Ощущение было... восхитительным.

Рюмси ухватила мешок: он оказался приятно тяжелым.

Рядом появился Кир:

– Нам пора.

– Пойдите, дети, – остановил их торговец. – Возможно, у вас есть серебро, точнее, эти... полумесяцы, – его голос стал тише. – Клянусь Создателем, я не стану спрашивать, как вы их получили.

Глаза Брэки заинтересовано засияли.

– А Создатель не обидится? Он ведь все видит, – ехидно буркнул Кир.

Торговец вздохнул и снисходительно покачал головой, словно услышанное его горько разочаровало:

– Я ведь вам не враг, детки.

Кир лишь фыркнул.

– Идем уже отсюда – за нами следят, – толстяк украдкой огляделся по сторонам. – Черт поберет, раздобыли, а теперь еще сберечь нужно. Рюмси, ты сможешь бежать со своим зерном?

Она неуверенно кивнула. Радость мигом улетучилась, и Рюмси осознала, насколько устала. И теперь пожалела, что мешок такой тяжелый.

Вдруг сзади нависла огромная тень. Рюмси сотрясла неприятная дрожь, она резко оглянулась, еле сдержав крик.

– Не пугайся. Я вас проведу, – прогремел тот самый умный дигген, обращаясь непосредственно к Рюмси. – Я забыл тебя поблагодарить, просто непривычно видеть чью-то заботу о нашем брате.

Рюмси нервно улыбнулась и выдохнула. Сейчас ее интересовало лишь одно: как эти горы мышц так неслышно двигаются.

Гигант протянул ей кривой рог.

– Выпейте немного, вы явно устали. Это взбодрит.

Рюмси приняла рог двумя руками, чтобы не расплескать, и, поднеся ко рту, вдохнула приятный будоражащий аромат. Отпив, она усмехнулась, но тут же поморщилась – напиток оказался невероятно горьким. А по цвету – темнее ночи.

Кир тоже отведал, причем с явным интересом. Брэкки отказался.

Назад возвращались через деревню. Напиток и правда взбодрил, добавив сил. Рюмси испытывала благодарность к одноглазому гиганту за защиту и больше всего за то, что им не пришлось возвращаться через гору. К огорчению Рюмси, дигген больше ничего не говорил, следуя за ними бесшумной тенью. А первой начать разговор она не решалась.

Как всегда, не молчалось Брэкки.

– Ну ты даешь, – восхищенно проговорил он. – Я и не подумал тот нож подобрать.

– Какая разница? – усмехнулась Рюмси. – Мы ведь в один дом несем... нажитое. Я рада быть полезной.

Брэкки взглянул на свою торбу и слегка смутился.

– У тебя прям талант торговаться, – заключил он с восхищением в голосе. – Как ты вообще догадалась продать нож тому головорезу?

– Однажды мы рыбачили со старостой... – начала Рюмси.

– Со Свинопасом, что ли? – переспросил Брэкки, будто она могла знать другого старосту.

Рюмси нехотя кивнула: она не любила, когда кто-то, кроме нее, его так называл.

– Так вот, мы рыбачили на хитроумные перья с крючком, – продолжила Рюмси. – Они, конечно, довольно симпатичные, но я не понимала, зачем рыба их хватает. Староста пояснил, что рыба принимает перья за упавших насекомых. Я тогда еще пошутила, мол, насекомых я бы тоже не хватала. И знаешь, что ответил староста?

– Что? – к удивлению Рюмси, вопрос задал Кир. В его глазах даже светилась некая заинтересованность.

– Он ответил, что тоже не находит насекомых привлекательными и больше любит запеченный лук. Но, охотясь на рыбу, он должен учитывать ее вкусы, а не свои.

– И оружие оценит тот, кто знает в нем толк. Умный человек ваш староста, – заключил Кир.

– Был, – горько проговорила Рюмси.

– А ты разве не о Короче?

– Нет, он не староста, – холодно сказала Рюмси. Она никогда не признает старостой этого человека.

– Жаль, – грустно проговорил Кир. – Всегда хотел научиться рыбачить на удочку. Подумал было, ты нас познакомишь.

Брэкки покосился на диггена и чуть слышно прошептал:

– Ну вот, чтоб мне в Вечном Лесу ночевать, теперь все начнут считать, что я знаюсь с диггенами. Лучше бы сами шли.

– Дурак ты, Брэкки, – буркнул Кир. – Черт ногу сломит, запутавшись в твоих приоритетах.

– Кир, а зачем ты дразнил торговца? – спросила Рюмси, желая потушить назревающий спор.

– Они меня раздражают. Ведь не верят они ни в какого Создателя. А для корысти прикрываются его именем. Попробуй обидь слугу Создателя, мигом набежит толпа золотых.

– А ты встречал золотых? – удивилась Рюмси.

– Угу, было дело.

– А это правда, что у них золотые доспехи? – восхищенно спросил Брэкки.

– Насколько я слышал, позолоченные, – неохотно проговорил Кир. – Чертовы фанатики ходят в них, чтоб приманивать грабителей, которые настолько глупы, что захотят на них напасть.

– Ты издеваешься? Чем уже они-то тебе не угодили? Золотые – защита нашего мира. Они путешествуют, истребляя зло.

– Ну, если так ставить вопрос, то, конечно, да – герои, – ответил Кир, вероятно, надеясь, что Брэкки замолчит.

– А как нужно ставить вопрос?

– Стоит ли их сраное геройство того. Я до сих пор помню, как в корчму, скрываясь от них, забежал черт. Так они обгородили корчму, не дав никому уйти живым, и сожгли здание. Но да, черт зато не спасся.

– Черти лучше?

– Не мне судить, – выдавил Кир.

– А вот я считаю, что по заслугам. Увидь я хоть одного – сразу плюнул бы в рогатую рожу. И тем, кто с ними якшается, тоже плюнул бы.

– Вот знаешь, друг, что меня больше всего... удивляет? Ты сидишь в этой глуши, среди гор и Вечного Леса, и ни черта, ни золотых в глаза не видел, но при этом рвешься судить, опираясь лишь на слухи.

– Как это не видел? – огрызнулся Брэкки. Казалось, его задело только это. – Я как-то видел миестога около корчмы. У него светились глаза, и он был полностью голым. А каждый знает, что миестоги ходят голые, зачем богам-то одежда?

– Черт бы тебя побрал, Брэкки. Seriously? Возле корчмы? – Кир рассмеялся. – Какой-то бедолага последнюю одежду пропил, вот и бродил голый. А глаза светились от сушняка.

Сзади разразился раскат грома – дигген тоже смеялся.

– Ах, так? А проклятых я тоже не видел? Вчера один мужик двоих привел, чтоб на меч лезть. Сколько людей покалечилось, падая с меча, а им хоть бы что. Уроды.

– Они великие создания, которые превратились в рабов. Не стоит над ними насмехаться.

– Каждый получает то, чего заслуживает. Вот как я считаю.

– Замолчи, Брэкки! – не выдержала Рюмси. – Пожалуйста, замолчи. Я не желаю слушать о подобной чепухе. Это оскорбляет память моих родных. Чем мои братья и все, кто погиб, заслужили такую участь? За что наша деревня заслужила голод?! А мы, в конце концов, заслужили лазить в этом... в этом дерьме?! Вечный Лес, мы же дети!

Всю оставшуюся дорогу шли молча, каждый погружившись в свои мысли.

* * *

– Какого черта?! – начал Кир, когда они почти пришли.

К ним навстречу бежала хрупкая девочка, немногим младше Рюмси. Она довольно ловко двигалась, несмотря на свой болезненный вид.

– Я же сказал ждать меня дома!

– Мне там страшно одной, – молвило нежное создание. – Эти бледные стены невероятно жуткие и напоминают мне кричащие лица.

Рюмси ее понимала: иногда она испытывала похожее чувство.

– Покорнейше прошу прощения, не сердись, братик, ладушки? – продолжила незнакомка. – Лучше представь меня своим друзьям. Не хочешь? Это, должно быть, Брэкки? Кириус много о тебе рассказывал.

Круглая физиономия Брэкки так покраснелась, что если бы он окунулся по шею в реку, то походил бы на заходящее солнце.

– Впервые вижу с Кириусом девочку, как чудесненько. Мое имя Валисса. – Она улыбнулась, излучая доброту и невинность.

– Я Рюмси.

– Хорошее имя.

– Твое тоже.

– Надеюсь, мы подружимся, – прошептала Валисса, забавно вытирая промокшее лицо нижней частью сорочки.

На открывшихся ребрах девочки виднелись странные шрамы, складывающиеся в некие буквы.

– Держи лучше, раз уже приперлась, – Кир протянул сестре выменянную лепешку.

– До послезавтра, стало быть? – спросил Кира Брэкки.

– Угу, – кивнул тот. – Я же говорил, мне нужно будет отлучиться.

– Братик, а можно с тобой?

– Посмотрим.

– Ты всегда так говоришь. Ну и как ваши похождения? – без особой заинтересованности спросила Валисса, слегка надкусив лепешку.

– Рюмси повезло, – Кир указал на ее мешочек.

– Повезло, – согласилась Рюмси, хоть и считала, что судьба задолжала ей куда больше везения.

Она обернулась, чтоб поблагодарить диггена, но того уже не было рядом.

Глава 3. Немного истины

1

Рюмси проснулась от разговоров в большой комнате. За окном угасал закат и опускалась ночь. Девочка чувствовала, что не сможет больше уснуть. Осенью темнело довольно рано, хотя жара никуда не исчезала.

Рюмси открыла дверь и слегка зажмурилась от света. Мерцание свечей делало комнату невероятно похожей на пещеру. На стенах сгущались и плясали тени, принимая порой совсем уж причудливые формы.

Рюмси увидела Щуро – отца Брэкки – и незнакомого мужчину в дорогой одежде. Они сидели за столом и выпивали. Запеченный лук и капуста заманчиво блестели в ярком свете свечей.

Щуро был высоким и худощавым, с очень добрым взглядом. Незнакомец, наоборот – полным, с глазами, как у лисицы.

Щуро имел огромную шевелюру хоть и седых, но густых кудрей. У незнакомца же, казалось, все волосы попрятались от жары, оставив только лысый череп. Зато в обилии росли в носу, на ушах и на остроконечной кривой бородке, словно там нашли свое укрытие.

Но, несмотря на несхожесть, складывалось ощущение, что знакомы эти двое давно.

– М-да, любопытная деревня, – проговорил незнакомец. – Хотя жителей у вас многовато для деревни.

– Уже меньше, – с досадой проговорил Щуро. – А дальше станет еще меньше. Но я понял, к чему ты клонишь. Слово «деревня» пошло от того, что поселение древнее. Стало быть – деревня.

– Я всегда считал – потому что из дерева построена. Хотя у вас-то дома из камня.

Щуро пожал плечами и поднял взгляд на Рюмси:

– Садись, не стесняйся, – проговорил он, будто лишь сейчас ее заметил.

– Твоя? – спросил лысый, с улыбкой взглянув на Рюмси. Но в его глазах улыбки не было, лишь интерес. – Ты, помнится, говорил, у тебя только трое сыновей.

– Нет, не моя, – ответил Щуро и осушил разом всю кружку. – Но ей больше некуда идти.

– А ты не изменился, по-прежнему добряк, – на этот раз незнакомец оглядел Рюмси с более заметным интересом, слегка оживившись.

– Ее зовут Рюмси, – представил Щуро. – А это...

– Меня называют Лис, – проговорил незнакомец, почесывая орлиный нос, а затем погладив кривую бородку. Голос звучал властно, но приятно. – Ты тоже можешь меня так называть. Я – торговец.

Лис привстал и поклонился.

Он был одет богато и красиво, но красота не выглядела чрезмерной, как у жрецов из Золотого Города, которые выглядели, словно женщины в день праздника. Плащ прекрасной шерсти, расшитый золотыми нитями, ниспадал до колен торговца. Но, несмотря на богатство одеяния, никто бы не назвал его непрактичным. Плащ явно хорошо защищал от дождя, ветра и холода. А сапоги, при всей их красоте, выглядели не только надежно, но и удобно.

Лис, в свою очередь, продолжал оценивающе, не скрываясь, смотреть на Рюмси:

– Отметины под ее глазами... – начал он, не отводя взгляда от девочки.

– Это родимые пятна, такая уж она родилась, – перебил Щуро.

– Родилась... Тут? Уверен? Где ты ее нашел? Я видел уже подобные...

– Уверен, – холодно процедил Щуро.

Лис неприятно скривил губы – скорее всего, он считал это улыбкой – и отпил из чашки:
– Вижу, в твоей деревне появились диггены, – шире ухмыльнулся торговец, с видимой неохотой закрывая тему.

– Вероятно, у Короча имеются свои причины, – предположил Щуро, но по его тону было ясно, что он лично этих причин не видит.

– Как я понял, ты недоволен этим Корочем, – предположил Лис и протянул свою чашку, чтоб ее наполнили. – Предыдущий староста был лучше?

– Короч – не староста, – Щуро нахмурил брови. – Он избавился от Свинопаса – так звали бывшего старосту – и, хотя сейчас является главным в Счастливицах, себя старостой не называет.

– Взял и убрал старосту? – удивился Лис, снова погладив вначале нос, а затем блестящую от жира бородку, казавшуюся настолько острой, что Рюмси удивилась, как он не поранился.

– Голод. Многие начали винить в этом Свинопаса. Вот Короч и воспользовался ситуацией.

– И как люди отреагировали, что при... Короче голод никуда не делся?

– А никак, – отмахнулся Щуро. – Короч умен. Он пресекает любые попытки недовольства, следит, чтоб никто не собирался в шайки. Для этого и нанял диггенов – порядок держать. А самое смешное, как бы Короч и Свинопас ни ссорились раньше, ведение дел Короча совсем не отличается от того, как вел дела Свинопас. Взять тех же диггенов. Свинопас уже хотел их привести в деревню когда-то, но люди воспротивились.

– У меня в охране диггены. Они отличные работники...

– Не тогда, когда отбирают работу и еду у людей! – нахмурился Щуро. – Особенно сейчас! Лис засмеялся и примирительно поднял руки:

– Мы уже много раз это обсуждали. Не будем и начинать.

Щуро пожал плечами: как хочешь.

– Кстати, о великане, – с долей зависти проговорил торговец. – Это правда, что меч в его груди усыпан драгоценностями?

Щуро фыркнул:

– Ты тоже не изменился – знаешь больше меня. Притом что я тут живу.

– Торговец обязан знать многое. Нажива без знания невозможна, – усмехнулся толстыми губами Лис.

– Мне всегда не нравилось большинство из тех, кто с тобой этими... знаниями делился, – медленно сказал Щуро.

– Знание столь ценная вещь, что его не зазорно добывать из любого источника, – Лис снова скривил губы в подобии улыбки.

Рюмси удивилась. Похожие слова часто любил повторять покойный староста.

– Да и ваша... как вы ее зовете... Птица? довольно полезна, – продолжил торговец. – Жаль, что люди не могут врать только днем.

Щуро молча покрутил головой:

– Говорят, мир на правде держится. Так вот что я тебе скажу – чушь все это! Ты даже не представляешь, что тут творилось, когда появилась эта мерзость на небе. Вечный Лес, – выругался он, – сколько же горя мы натерпелись! Люди убивали друг друга... Семьи распались... Многим было легче убить или умереть самим, чем правду стерпеть. Ведь достаточно задать нужный вопрос, и ты услышишь то, чего так боялся и не хотел знать. Те, кто умнее, не задавали вопросов, но отношения уже становились не те. Никто и никогда не мог предположить, что от правды бывает столько вреда. Иногда мне кажется, что это хуже голода. Люди днем избегают друг друга, сторонятся, молчат, боясь сболтнуть лишнего. А ночью, когда ты, наконец, с кем-то спокойно можешь поговорить, думаешь: «А почему это он днем не захотел

общаться? Замышляет чего?». Никто никому не доверяет. Вечный Лес, да я сам ни с кем днем стараюсь не общаться.

Щуро наполнил себе чашку и тут же выпил:

– Помнишь Роми?

– Помню. Он вместе с тобой ушел. Вроде говорил, что по женушке с детишками соскучился.

– Так вот, спросил он у этой самой женушки, хранила ли она ему верность, когда он месяцами дома не жил. Днем спросил – когда врать нельзя. Как думаешь, какой он получил ответ?

Лис промолчал, вместо ответа почесав нос – ну и, конечно, бородку.

– Пьянствовал он потом несколько дней, – продолжил Щуро, – а когда вернулся, то зарубил жену и детей, которые, возможно, не от него. А на следующее утро уже висел на сосне.

Щуро поднял чашку:

– За Роми!

Лис медлил:

– А ты... со своей... – осторожно начал торговец.

– Да. Выбора, как ты понимаешь, не было, – тихо проговорил Щуро, вытирая капли вина с подбородка. – Думаю, она никогда уже меня не простит.

Лис понимающе кивнул и молча выпил.

– Были и такие, что пользу в Птице видели. Прямо как ты, – продолжил Щуро, осушив чашку и налив еще. – Зачастили поначалу к нам всякие... типы... и привозили с собой пленных, заставляя рассказывать разные тайны. Но потом и они перестали приезжать, ведь сами переругались между собой. Вот оно как, дружище Лис. Правду, может, и ценят, но не каждый с ней жить сможет.

– Ну а промолчать не пробовали? – поинтересовался торговец. – Язык держать за зубами никто не запрещает.

Щуро покачал головой:

– А что ты докажешь молчанием, если тебя спросят, к примеру, не предашь ли ты?

Лис не ответил, на что Щуро лишь усмехнулся.

– И каждый раз, когда поднимается солнце, взлетает эта ваша Птица? – поинтересовался торговец.

– Угу, – буркнул порядочно захмелевший Щуро. – Лучше бы солнце не появлялось, днем и без него светло.

Они посмотрели друг на друга и одновременно прыснули со смеху.

В комнату вошла тетья.

– Ложись, дорогая, – слегка заплетающимся языком проговорил Щуро. – Мы еще немного посидим, ты же не против?

– О, Вечный Лес, конечно, нет! – ответила женщина. – Развлекайтесь.

Рюмси была уверена, что увидела на лице тети недовольное выражение, но оно мелькнуло и сразу исчезло, уступив место привычной грустной улыбке. Казалось, никто, кроме Рюмси, не заметил этого, а если и заметил, то не подал виду.

Лис поднял кувшин и, увидев, что тот пуст, почему-то обрадовался.

Он достал невзрачную бутылку и налил в чашки густой бурой жидкости. Сладкий аромат разлился в воздухе. Чашку, где поменьше вина, приятель протянул Рюмси:

– Держи – немножко можно. Особенно такого напитка.

– Это же... – приподнял брови Щуро. – Дегейское!

Рюмси не требовалось объяснять, почему Щуро так удивился. Дегейское вино знали все.

Девочка мгновенно ощутила аромат пряностей и чего-то ласкового и знакомого. А когда отпила, по всему телу сразу же пробежало тепло, словно она попробовала на вкус солнце. Голова слегка закружилась, но ощущение оказалось приятным.

– Дегейское, – ухмыльнулся Лис. – Времена нелегкие, вот и досталось мне почти даром. Взял бы больше, – добавил он с досадой. – Но меня опередил один... неприятный тип.

– Нелегкие? – повторил Щуро. – Эти слова не описывают всей жути.

– Слова вообще редко могут передать все. Название вашей деревни – Счастливики – не очень-то подходит для теперешних событий, – сказал Лис.

– Название ведь не вчера придумали, хотя ты прав, сейчас оно звучит, будто насмешка. Но когда сюда пришли первые поселенцы, я бы не нашел названия более подходящего. Представь добравшихся сюда людей, которые видят множество зданий, выстроенных из камня. Все пустые. Земля родящая, а рядом озеро и река. Вечный Лес, конечно, уж больно близко, ну так а где его нету? Счастливики – не иначе.

Лис согласно кивнул.

– Да и само название Счастливики тоже счастливое, – Щуро усмехнулся при такой игре слов. – Наподобие названий в царстве Гороха.

– И что общего?

– Знаешь деревню Загры?

– Не слышал.

– А Рокот? – хитро улыбнулся Щуро.

– Ты и сам знаешь, что знаю. Мы там около месяца провели. Выгодно тогда торговали.

– Так вот, Рокот раньше назывался – Загры. А Заграми деревню назвал прежний головорез, который там властвовал – Загр Загребущий. Но когда его конкурент Рокот захватил деревню, то переименовал ее в свою честь. Судя по недовольным, и Рокота скоро скинут, и снова переименуют, если от голода не умрут, – Щуро немного помолчал. – А вот Счастливики, Репа, Лоза и другие названия никто менять не будет, до них никому нет дела.

– По иронии, Счастливикам везет сейчас меньше, чем той же Репе. Голода там пока нет, – сказал торговец.

– Разумеется, при Горохе-то, – признал Щуро. – Поговаривают, в его царстве рады всем, кто готов работать. Я бы и сам туда направился, но дорога уж больно далекая. Там, конечно, судя по тем же слухам, работаешь только за еду, но и Гороха тоже можно понять.

– Понять, дорогой Щуро, вообще можно всех без исключения. Поэтому я стараюсь понимать лишь тех, кого понимать выгоднее для меня, – слова торговца прозвучали слегка вкрадчиво.

– Как всегда. Ничего нового, – равнодушно ответил Щуро, поставив опустевшую чашку. – И что же тебе выгоднее сейчас?

– А то, что с голодными людьми торговать полезнее.

– На этот счет не беспокойся, сейчас тебе везде хорошо будет, – безрадостно проговорил Щуро.

– Не совсем. Не все деревни одинаковы, – ответил Лис, разливая в чашки вино. – Таких деревень, как Счастливики, где голод только начинается, не так уж и много, и это одна из причин моего приезда аж сюда. В большинстве деревень и городов голод уже бушует вовсю. Даже мимо проходить опасно – порвут на части. Голодным людям терять нечего. И у них нет страха. Голод – вот единственное их чувство. Друг, – торговец слегка изменился в лице, залпом выпил и сразу же продолжил: – Я видел, как толпа голодающих набрасывается на таких же торговцев, как я. А есть деревни, которые в пору кладбищем назвать. Воистину подходящее будет название. Там воняет смертью. Мертвые валяются прямо на улицах, и хоронить их некому, – торговец понизил голос. – Как думаешь, друг, меня легко напугать?

– Нет, – отозвался Щуро.

– А я испугался, – признался он. – Клянусь Создателем, сказать, что это страшно – ничего не сказать.

Лис неловко поднялся из-за стола:

– Пойду я уже, – он слегка поклонился и добавил: – Все хотел тебя спросить, дорогой Щуро, ты не жалеешь, что бросил торговлю?

– В настоящий момент, как это ни странно, не жалею.

Лис удивленно поднял брови, погладив только нос, бородака осталась без ласки.

– Прости меня, друг, но наживаться на горе – это... неправильно, – ответил Щуро. – Особенно когда люди умирают с голоду.

– Знаешь, что говорят черти? Если бы люди не должны были умирать, Создатель сделал бы их бессмертными, – на пухлом лице торговца появилась неприятная ухмылка. – Подумай над этим, дорогой друг. В их словах есть немного истины, – улыбка сползла с лица торговца. – Насчет неправильно. Долго ты со своей... справедливостью проживешь на одних затирухах и лепешках из лебеды? Щуро, в мире всегда хватало дерьма и грязи и всегда будет хватать. И я сейчас не об испражнениях и размокшей от дождя почве.

Лис еще раз поклонился, прежде чем уйти. Дверь за ним захлопнулась с глухим стуком. Повисло молчание.

Рюмси решила, что должна что-то сказать:

– Нелегко ему. Торговцу, который не может лгать.

– Ему? Лису все равно. Сколько я его помню, а это лет куда больше, чем тебе, он никогда не лгал.

– Должно быть, он очень хороший человек, – предположила Рюмси.

– Рюмси, не всегда человек, говорящий неправду – плохой. Так же, как человек, говорящий правду, не обязательно хороший, – возразил Щуро.

– Вы ведь намеренно соврали Брэкки о том полумесяце, что голову пробил.

– А от тебя ничего не утаишь, да? – хмыкнул Щуро, но без злобы. – Таким способом я пытался его обезопасить. Ведь он не в меру любопытный. Я и так не рад, что Брэкки там крутится. Но времена такие, приходится взрослеть раньше.

Он немного помолчал и спросил:

– Как тебе у нас живется?

– Хорошо.

– Я рад. Моя жена... – начал он, имея в виду тетю. – В общем, не сердись на нее, ее тоже можно понять.

– Почему я должна на нее сердиться? – деланно удивилась Рюмси, хотя на самом деле она все хорошо поняла.

Ее вопрос вызвал на лице Щуро слабую улыбку:

– Ты хорошая девочка, умная, и мы совсем не против, что ты живешь с нами, – он помолчал и многозначительно добавил. – Все мы.

Рюмси нервно сглотнула:

– Даже тетя?

– Даже твоя тетя, – улыбнулся Щуро. – Поверь, если бы она на самом деле не хотела, то тебя бы здесь не было.

Рюмси, обдумывая его слова, вернулась в свою комнату. Она хотела постараться уснуть. От вина слегка кружилась голова.

Завтрашний день должен был стать многообещающим. Кир что-то придумал.

Войдя в комнату, Рюмси поняла, что не одна. Возле окна стояла тетя.

– Как вино? – резко спросила женщина, не оборачиваясь к ней.

– Тетя... – начала Рюмси, но та не дала ей договорить:

– Ходят слухи, покойный староста помогал вам. И когда его... не стало, могу представить, как нелегко пришлось вашей семье. Особенно бедненькой Рюмси. Вас ведь часто видели вместе. Сколько тебе было? А, не важно. Уже тогда, небось, нравились мужчины постарше, – голос женщины стал походить на шипение. – Еще раз тебя, мразь, увижу возле своего мужа, глаза выцарапаю. Ты поняла?

Рюмси не могла видеть выражение лица тети, но гневный голос не оставлял сомнений – она не шутит.

– Что я вам сделала? – проговорила Рюмси.

– Делаешь вид, что не понимаешь? Я сейчас объясню, – прошипела тетя, замахнувшись для удара.

Но в последний миг задрожала и обняла девочку.

Рюмси ощутила ее слезы на своей щеке.

– Прости меня, дитя. Конечно же, ты ни в чем не виновата, – рыдала тетя. – Прости меня, несчастную.

Рюмси тоже обняла тетю, тело которой вздрагивало от рыданий:

– Не волнуйся, тетя, я никогда на тебя не обижалась, – проговорила девочка, глядя в окно. За окном стояла ночь.

Птицы Правды давно уже не было.

2

Рюмси перешагнула через разлагающееся тело женщины. Чем ближе они подбирались к упавшему великану, тем больше мертвых видели. Тела лежали повсюду, но были нетронутыми, даже полумесяцы играли серебряным светом на солнце, и это настораживало. Кир и Брэкки тоже не стали останавливаться, чтоб «обокрасть» мертвых, за что Рюмси молчаливо поблагодарила их.

– Вон там, – указал пальцем толстяк.

– Но дыра слишком узкая, – возмутился Брэкки.

– А для чего, думаешь, я вас брал? – отрезал Кир.

– Я думал, из-за того, что у тебя сломана рука, – неуверенно промямлил Брэкки.

– Нет. Я знал, что я туда не пролезу, потому что слишком толстый, – спокойно признал Кир.

– Дом старосты, – Рюмси выдавила подобие улыбки. – Ясно, почему ты рассчитываешь тут поживиться.

Рюмси успела забыть, как выглядел дом старосты изнутри, хоть и проводила здесь много времени раньше. К своему стыду, Рюмси позабыла многое, чему он учил, но никогда не забывала его доброты.

– Мы можем рискнуть один раз, и больше нам не потребуется лазить по развалинам, – Кир говорил уверенно, разве что его глаза выдавали какое-то внутреннее беспокойство. – Сам же рассказывал о своем озере.

– Дом пустует уже давно, – отозвался Брэкки, – не думаю, что там осталось что-то ценное.

– Мне известно, что там находится шкатулка, а в ней кристалл – Шепчущий кинжал, – ответил Кир.

– Вечный Лес, я сам туда не полезу, – проговорил Брэкки.

– Нет времени спорить! – повысила голос Рюмси. – Полезу я.

Она пошла к развалинам под молчаливыми взглядами мальчишек.

– Ты ведь знал, что я туда не пролезу... – услышала она, как Брэкки обратился к Киру, но ответа уже не разобрала.

Отринув сомнения, она полезла во мрак.

Забравшись в дыру, Рюмси буквально упала в комнату, которая находилась уж чересчур низко. Она почувствовала под ногами твердую поверхность, но ничего не видела из-за темноты.

– Это вроде подвал, – будто угадав ее мысли, прокричал сверху Кир.

Неудивительно. Переход из жары в холод оказался достаточно резким.

– Не ушиблась? – просунув голову, спросил Брэки.

Рюмси подняла взгляд. Дыра, через которую смотрели мальчики, напоминала полную луну.

– Вроде нет, – проговорила она. – Надеюсь, у вас есть веревка.

Кир выругался, помяная черта, и что-то проворчал в ответ.

Даже внутри чувствовалась трупная вонь, мало того – воняло намного сильнее, чем снаружи. Глаза немного привыкли, и внутри оказалось на удивление светло: из-за пробивающихся через щели лучей солнца. Под ногами хрустели осколки камня и стекла.

Рюмси, осторожно ступая – не хватало порезаться, – шла по подвалу, глаза уже совсем привыкли, и взгляд почти сразу наткнулся на лежащий труп в синем одеянии. Рюмси стало немного не по себе. Над раздутым телом кружили мухи. У мертвеца красовался на шее чудовищный шрам. Рюмси скользнула взглядом по его синему халату. “Качество одежды отменное”, – мелькнула совсем неподходящая мысль.

Похоже, ааконец. Откуда он здесь взялся?

– Все будет хорошо, – тихо пробормотала Рюмси, надеясь подавить нарастающий страх.

Рядом с ааконцем лежала шкатулка.

– Кажется, нашла! – вскрикнула Рюмси.

– Отлично; поищи еще что-нибудь ценное и, по возможности, небольшое! – отозвался Брэки.

Рюмси присела и открыла шкатулку. Внутри лежал острый кристалл, похожий на осколок льда, который совсем не походил на кинжал. Но она поняла, что это он, и вынула. Кристалл оказался тяжелее, чем предполагала Рюмси.

Но благодаря коже, намотанной, словно на рукояти ножа, он отлично ложился в руку. Шепчущий кинжал переливался невероятно богатыми оттенками красного, завораживая своей красотой. Рюмси неохотно отвела от него взгляд и подошла к одной из стен, где отодвинула кусок камня. Из тайника достала скрученный лист бумаги и несколько мешочков.

– Прости. Ты бы меня понял, – прошептала она с печалью в голосе.

Рюмси обвела взглядом стены. На некоторых еще виднелись рисунки. Староста рассказывал, что они бесценны. Рюмси не понимала их ценности, но с удовольствием любила разглядывать. Свет падал на толпу безликих существ, которые сажали деревья. Еще на одной можно было разглядеть человека, который получал меч от каких-то громадин... или это был ребенок? Рюмси взглянула на следующую картину и застыла. Она помнила ее, но лишь сейчас осознала смысл рисунка. Нет, это лишь совпадение, не более! На стене нарисовали миниатюрные дома, на которые упал человек с крыльями. Из груди человека торчал меч.

Вдруг совсем рядом раздался звук. Рюмси оглянулась – и закричала.

Что-то внутри тучного живота мертвеца задвигалось. Слишком большое для червей. И теперь оно ползло в его шее. Голова мертвеца дернулась, а во рту что-то заходило. Он напоминал человека, у которого что-то застряло в зубах, и он нервно пытается выковырять это языком. В следующий миг голова трупа с нечеловеческой плавностью повернулась, и через рот – разрывая его и выдавливая зубы – вылезло, похожее на крысиное, рыльце. Все в крови и густой жиже. Существо принюхалось и повернулось к ней, словно укоряя.

Рюмси сразу же вспомнила уродца – тварь подросла. Вот уж мерзкая ааконская крыса!

– Рюмси?! – раздался голос Брэки.

Существо покосилась на мальчика, заглядывавшего сверху, затем снова перевело взгляд на Рюмси.

– Что случилось?! – прокричал Брэкки, просовывая голову внутрь.

– Я тут точно поседею, – проговорила Рюмси и вздохнула. Но чувство тревоги никуда не исчезло, а напротив – сердце забилося еще сильнее.

И тут внутри Рюмси все похолодело, а нервы сдали окончательно, когда она снова взглянула на существо. Уголки его рта медленно поплыли в стороны и вверх, растянувшись в мерзком подобии человеческой улыбки. Крысы не имели клыков. И уж точно крысы не могли так улыбаться.

Тварь полностью вылезла из трупа. У нее не было ни туловища, ни лап – сразу из шеи росли щупальца, похожие на множество хвостов, которые извивались, как змеи. Неожиданно из всех углов и щелей поползли подобные твари – меньше размером и только с двумя змееподобными конечностями, оставляя за собой блестящие полоски слизи. Твари слегка напоминали пугловков. Когда огромное существо взревело, мелкие особи запищали в ответ, пусть и не в силах перекричать его.

Рюмси застыла, боясь пошевелиться, будто бездействие могло ее обезопасить. Большая тварь резко развернулась и исчезла, «нырнув» в рот трупа. Мертвое тело начало подрагивать. И вдруг покойник подался вперед настолько неожиданно, что Рюмси вздрогнула.

Это вывело ее из оцепенения, сковавшего ужасом все тело.

Мелкие бездействовали, держась вдаль, словно боялись попасть под горячую руку трупа, который, шатаясь, прошел несколько шагов и застыл.

– Эй?! Что там такое?! – крикнул сверху Кир.

Рюмси краем глаза заметила, как Брэкки, видевший то же, что и она, побледнел.

– Эй?! Что там происходит? – заорал Кир сильнее.

Рюмси закричала в ответ. Но отчаянный страх превратил ее голос в неразборчивый лепет. К ней шагал мертвец. Существо шло покачиваясь, слишком медленно, слишком неестественно, прямо на нее. Но вряд ли его медлительность станет проблемой для того, чтоб поймать жертву. Здесь совсем нет свободного места, а мертвое тело отделяло ее от выхода.

Рюмси крепко сжала кинжал в дрожащих руках, направив его в сторону существа. Оно подошло уже близко. Мелкие по-прежнему лишь наблюдали. Рюмси громко заорала и побежала на шагающий труп. Она целилась в голову, даже не зная, причинит ли это какой-то вред уже мертвому телу.

Существо замахнулось. Удар обрушился на Рюмси невероятно быстро, в грудь. Девочка упала на колени. В омерзительных мутных глазах мертвеца отразилось ее искаженное болью лицо. Тварь выглянула изо рта мертвой головы и запищала. Рюмси показалось, что она ощутила злобное наслаждение, звучавшее в пiske. Она чуть не подавилась рвотой от вони. Ее вырвало.

Это ее спасло.

Труп, ударив с невероятной скоростью, промахнулся. Рюмси крепче сжала кинжал и поднялась. Но ничего не успела сделать, получив следующий удар и больно врезавшись в стену. Тварь замахнулась снова и уже направилась к Рюмси, но предыдущая атака задела одну из балок. Раздался грохот, все посыпалось. Хорошо, что Рюмси отшвырнуло в другую сторону. Она стукнулась о стену и на мгновение почти потеряла сознание. Падая, девочка прикрылась руками. Если бы не это, она содрала бы лицо.

Рюмси ощутила внезапный болезненный толчок в бок.

По ее лицу потекла кровь. Рюмси попыталась приподняться, чувствуя горячую влагу во рту. Перед глазами потемнело. Каждый вздох давался с тяжким трудом. Рюмси изо всех сил старалась не потерять сознание, это бы значило смерть. Она сморгнула вызванные болью слезы. Ставшие внезапно неуклюжими пальцы царапали ногтями стену, пытаясь за что-то ухватиться. Рюмси скользнула взглядом по существу. Труп лежал, уставившись на нее с улыбкой. Лишь

когда взгляд немного прояснился, Рюмси поняла, что приняла за улыбку рваную рану на его лице.

В голове гудело, и она не сразу разобрала крики, доносившиеся сверху.

На том месте, где лежала Рюмси, валялось несколько драгоценных камней. Но сейчас было не до них. Страх сильнее жадности. Она вспомнила свои же слова: мертвым ценности не нужны. Или это Кир говорил?

Труп завалило, а мелких существ она не видела. Это был шанс.

Рюмси снова попыталась подняться и вскрикнула, увидев торчащую у нее из бока рукоять кинжала.

– Рюмси, ты жива?! – прозвучал встревоженный голос Кира. – Лезь сюда, пока тебя не завалило!

Из дыры-луны сверху спустилась веревочная лестница.

– Рюмси?! Черт бы тебя побрал! Рюмси?! Отзовись! Ты слышишь меня?!

Ей пришлось сглотнуть, прежде чем заговорить.

– Сейчас, – еле простонала она.

Но Кир, похоже, ее услышал.

– Просто крепко ухватись, я сам тебя вытащу, – уверенно проговорил он.

Челюсть трупа влажно треснула, и Рюмси, оглянувшись, увидела, как из дыры в его голове показалась конечность твари. Это зрелище резко придало сил.

Кинжал она не стала вытаскивать, понимая, что сейчас этого лучше не делать, если она не хочет истечь кровью.

Девочка приподнялась, не отрывая взгляда от трупа, который забил ногами, пытаясь выбраться из-под груды каменных обломков. Удастся ли ему это? Не похоже. Но сейчас Рюмси уже не верила в то, что возможно и что не возможно. Ей нужно успеть добраться до выхода прежде, чем тварь до нее доберется.

От напряжения ее снова едва не стошнило. Хоть зрение слегка затуманилось, Рюмси заметила, что к трупу начали сползаться внезапно появившиеся снова мелкие твари.

Рюмси тяжело дышала, и каждый вздох сопровождался вкусом крови. Каждый шаг болью. На ногах она стояла нетвердо, но идти могла. Она направилась к веревке, уже не обращая внимания на визг чудовищ. “Надеюсь это не Лунная Дорожка на тот свет”, – царапнула мелькнувшая мысль, в которой все же была капля облегчения. Девочку уже трясло от боли, когда она преодолевала остаток пути. Несмотря на холод, на лице проступил пот.

Рюмси смотрела лишь вперед, пытаясь поднять непослушные руки. Крепко схватила веревку и почувствовала натяжение.

– Вверх, – монотонно повторяла Рюмси. – Вверх.

Девочка последний раз взглянула на труп. Мелкие особи грызли щеки, подбородок, челюсть, пытаясь освободить существо. Рюмси поняла, что этот кошмар еще долго будет ей сниться.

Кир тащил ее наверх. Она слышала, как его дыхание вырывалось между сжатых зубов, тем не менее он не упускал возможности выругаться при каждом рывке. Почему-то он был один.

Держаться за веревку стоило немалых усилий, но жажда выжить придавала сил. Беглянка боялась, что в последний момент тварь-труп ухватит ее за ногу, но, к счастью, опасения не оправдались. Рюмси потянулась вверх и схватила Кира за руку, оставив на запястье мальчика кровавые следы.

За то время, что она находилась внизу, облака сгустились и на улице потемнело – небо разразилось молниями и громом. Но Рюмси не слышала ни звука, кроме жалобного воя чудовищ внизу.

Она упала на спину и дотронулась вялыми трясущимися пальцами до кинжала в боку. Боли не было. Это хорошо или плохо?

Хоть солнце скрылось, но, выбравшись наружу, Рюмси жмурилась от света.

– Чертова чертовщина, – выругался Кир с недоумением в голосе. – Даже представить себе не мог... Я, конечно, знал – миестоги, проклятые... Да и видел всякое... Но вот такое! Что это было?

– Где Брэкки? – спросила она, тяжело дыша и пытаясь приподняться.

Кир помедлил с ответом:

– Я бы мог сказать, что он побежал за подмогой. Но не могу. Чертова Птица в небе. – Он положил руку ей на плечо. – Не вставай, лежи, чтоб не истечь кровью. И не обижайся на него, я и сам испугался до чертиков.

– За что мне все это?! Чем я это заслужила?! – отчаянно закричала Рюмси.

Она кричала изо всех оставшихся сил. Без всхлипываний и слез. Лишь крик.

Кир стоял перед ней на коленях и осторожно касался ее израненного тела. Он неловко приподнял ей одежду, и Рюмси зашипела от боли: ткань приклеилась к засохшей ране.

– Кир, уж прости, что я жалуюсь, – попыталась она пошутить и, к своему стыду, чуть не заплакала перед мальчишкой.

Рюмси неожиданно для себя заметила, какие мягкие у Кира прикосновения. С какой нежностью он о ней заботится. Вся неприязнь к этому мальчику бесследно испарилась. Исчезло даже напряжение между ними. Сердце забило быстрее.

Они смотрели друг на друга в неловком молчании, не зная, что сказать.

Рюмси приподнялась...

– Не вставай, что ты?.. – проговорил Кир.

...и поцеловала его в губы. Поцеловала по-настоящему.

– Это... это было не обязательно, – промямлил Кир, краснея, как буряк.

– Знаю.

Рюмси почудилось, что вовсе у него не гнилые зубы, а белые и крепкие. Волосы мальчика казались густыми и красивыми. Ей начало мерещиться, будто Кир покраснел настолько, что воздух вокруг его тела начал плавиться. Сквозь эту рябь виднелись две точки цвета уходящего солнца.

Но дальше Рюмси потеряла сознание.

3

Ааконец оставил факел. Вытащив камень, извлек из тайника свернутый пергамент и развернул. В свете огня перед ним красовалась карта. Недолго думая, он вложил ее обратно и, пошарив, нашел шкатулку.

Он с отвращением уставился на вырезанные на крышке символы. Ааконец понятия не имел, что они означают, но один знак был ему знаком. Беззвучно шевеля губами, мужчина выругался. В Ааконе такой рисовали на могилах предателей, чтоб те никогда не переродились, оставаясь навечно гнить в земле.

Слегка дрожащей рукой он открыл шкатулку. Пришлось приложить немного усилий: видимо, ее давно не открывали. Или руки перестали ему повиноваться. Да и мысли блуждали. Ааконцу это все не нравилось, но он обязан человеку, который отправил его сюда, жизнью. При этой мысли он провел рукой по шраму на шее.

Где-то на улице раскатился гром, настолько сильный, что звук его докатился даже в этот жуткий подвал. Ааконец невольно вздрогнул, хоть и был не из робких. Теперь в округе вряд ли кто-то спал.

Вдруг – резкий, обжигающий холод, и сновидение рассеялось. Рюмси начала приходить в себя.

– Чой-то у нее с рожей? – прозвучал хриплый голос.

– Вроде как грязь, или родинки такие.

– Странные какие-то. Я где-то уже слышал о таких отметилах, на слезы похожих. Кажись, бабка моя покойница рассказывала.

– Вроде как бабка покойная, а ты нет. Неси молча: слышал толстяка? Донесем – выпивку получим.

– На то и корчма, чтоб напиться. Там, думается, и чего пожрать дадут... ги-ги!

– У корчмарки и спросишь.

– И спрошу, канеш, а то как же... ги-ги, вроде как одна там, ги-ги. Скучает, небось.

Рюмси приоткрыла глаза. Ее несли на носилках. Двое мужчин.

– Да ты, Хриплый, совсем дурак, видать. Даже самые ошпаренные на всю голову типы, навроде золотых, не трогают корчмарей.

– Дык я слегка только. Да и кому до них сейчас дело-то?

– Сейчас особенно есть дело.

– Ладно-ладно. Я ж пошутил.

– Да ты бы и не смог ничего сделать. Помнишь ведь, че с Нюхом стало, когда он драку хотел затеять? Не забыл, как его колотило?

– Забудешь, ага! Трясло так, будто его кто невидимый у все щели имел, ги-ги.

– Думается, так потом и было, глупец на Короча руку хотел поднять.

– М-да. Говорю тебе, Седой, это все чертячи проделки. Не зря в корчмах часто чертей видят.

– Наклюкаются, вот и видят.

– Не знал, че корчма днем бывает открыта.

– Какая тебе, в жопу, разница? Малой сказал, туда нести, и туда, значит, идем. Видел, какой он жирный? Точно правду говорит.

– Как он может врать? День же.

– По мне, так врать и неправду говорить – разные вещи. Сейчас такое творится, любой умом тронется. Помню, зашли мы, значит, в одну хату, поживиться чем. Бац! А на пороге мужик лежит – без башки. Видать, до нас уже кто-то побывал. Гляжу. Дети копошатся возле бабы – мать, видать, ихняя. Живот у той разорван, а они потроха жрут. Я им: че творите? А они: кашку кушаем. Угощайтесь, говорят, дядя, кашкой.

Некоторое время шли молча.

– Сбежит ежели, то девку не прихватит. Не бросит он ее; видал, как печется?

– Б-Брэчки, Кир, – с трудом проговорила Рюмси.

– Эй, малец! Вроде как тебя кличут, – проговорил один из мужчин.

– Лежи, не вставай. Скоро доберемся до места. Не беспокойся, это Хриплый, а это...

– Седой, – представился лысый мужчина.

– Понимаю, вопрос глупый, но как ты себя чувствуешь?

Она себя чувствовала плохо.

– Хоть погода радует, – ответила Рюмси.

Она впервые видела корчму так близко: не детское это место.

Рюмси услышала, как что-то скрипит. И подняла взгляд на дубовую вывеску, которая возвышалась над воротами, раскачиваясь на ветру. На почерневшей от старости доске красовалось название “Тихий омут”. Под названием имелась другая мелкая надпись: *Nemo me impune lacessit*¹. Что она означала, Рюмси не знала.

¹ *Nemo me impune lacessit* – Никто не оскорбит меня безнаказанно (*лат.*)

Усталость сломила ее, и девочка уснула, но уже без сновидений.

* * *

Рюмси очнулась в незнакомой комнате. Стены, пол и потолок – все из дерева. Раны покрыты мазью – густой, теплой и пахучей, бледного лунного цвета. Запах приятный, в отличие от ощущений, которые испытывала девочка. Кожу пощипывало и стягивало, сильно хотелось почесаться.

Несмотря на то, что на Рюмси оказалась новая чистая одежда, а ее саму, похоже, помыли, она продолжала ощущать запах крови. Ее все еще била дрожь при воспоминании о жутком монстре.

Постель тоже была чистой, но застиранной чуть ли не до дыр.

В комнату вошла симпатичная девушка, хрупкая, небольшого роста, с очень стройной фигурой, не похожая на деревенских. И особенно она не походила на эту безликую грязно-серую комнату.

– Это комната для гостей, которым нужен ночлег, – словно угадав ее мысли, на ходу проговорила красавица и обернулась к Киру. – Не станем возвращаться к тому разговору, я же не буду интересоваться, откуда ты это узнал, – сказала она хрипловатым, но приятным голосом. – После того как ты меня обругал, я и не думала, что ты вернешься.

– Не ради себя ведь приперся, – буркнул Кир.

– Понимаю, но, Кириус, не стоит приводить ко мне кого вздумается. Не надо, милый! Я ведь говорила: даже то, что я... помогаю тебе, не поощряется.

– Прости, – поспешно ответил мальчик.

– Прощаю, ибо люблю тебя, мой маленький дегеец.

– Я же просил не называть меня так!

– Так, может, называть тебя черноротым? – проговорила красавица. – Ты ведь, родной мой, ругаешься не хуже людей, которых комары закусали.

– Достаточно будет – Кир.

– Я не стану называть тебя этой глупой кличкой. Кириус, пойми, помнить имя – это огромный подарок. Не смей этого не ценить.

– Иногда я тебя совершенно не понимаю, – буркнул Кир.

Девушка сделала вид, что не услышала, и перевела взгляд на Рюмси:

– Как ты?

– Лучше, благодарю.

– Скоро поправишься. Ты наверняка проголодалась. Я впервые вижу друзей Кириуса, причем удивлена, что они вообще у него имеются, – она рассмеялась собственной шутке. – Так что угощу всем, чем захочешь.

– Все... чего... захочу?

Девушка кивнула.

– Съем, что дадите, – неуверенно промямлила Рюмси, но ее живот при упоминании еды заурчал более смело.

– Я не шучу, – она поглядела на Рюмси взглядом алых, как осенние листья, глаз. – Проси, чего хочешь.

– Она любит рыбу, – подал голос Кир. Похоже, он все-таки слушал тот разговор с Брэкки.

– Рыбу. О, как интересно, большинство бы свинюшку попросили или курицу. А какую именно рыбу?

– В нашей реке водится рыба, такая... с черными пятнами. Мясо у нее красное-красное, не белое, как у озерной.

– Поняла, – хозяйка одарила ее улыбкой. – Скоро принесу.

Она открыла дверь, за которой обнаружился огромный зал, откуда доносились голоса, смех и пение. А еще повеяло чесноком, крепкими напитками и не менее крепкой руганью.

Рюмси вдохнула запах. Словно вся свежесть реки очутилась в этой запеченной рыбке.

– Я не думала, что еще раз попробую эту вкуснотищу. Да я вообще не думала, что смогу покушать.

– Наслаждайся.

– Как вы ее поймали? – Рюмси жадно ела рыбу, не успевая очистить от костей, от чего те больно кололи ей десна.

– Не все ли равно? – пожала плечами девушка.

– Никто из местных не умеет ее ловить. Покойный староста только умел. Так как вам это удалось?

Корчмарка немного помедлила с ответом.

– Я ее создала, – явно нехотя проговорила она.

Еда застряла у Рюмси в горле. Это шутка? Или вранье? Ни то, ни другое. День – нельзя врать.

– Вы умеете создавать рыбу?

Девушка неохотно кивнула.

– А какую еще еду вы можете создать?

– Любую, – и добавила: – Которую хоть раз пробовала сама.

– Ого, вы же можете... – Рюмси замаялась. – Сейчас голод, почему вы не помогаете, с вашим-то даром?

– Это требует... сил.

– Но все-таки вы можете помочь? Верно?

От ясной, беззаботной улыбки корчмарки не осталось и следа. А следующие слова поразили не меньше:

– А зачем мне это?

Рюмси свела брови, уставилась в алые блестящие глаза.

– Ну что молчишь-хмуришься?

– Н-но как? Люди же умирают от голода, они нуждаются в помощи, – произнесла Рюмси, стараясь, чтобы в ее голосе не прозвучало обвинение.

Корчмарка рассмеялась, и мелодичный звук ее холодного смеха разнесся по комнате:

– Всегда кто-нибудь нуждается. Где-то заяц подвернет ногу, где-то птица застрянет в силках... Почему я должна тратить свое время и силы на тех, кто мне безразличен? К слову, я охотнее помогу зайцу, чем людям.

– Почему вы ненавидите людей?

Девушка горько усмехнулась и на некоторое время замолчала.

– Это не так. У меня нет к ним злобы. Но это не значит, что я должна их любить.

– Но у вас есть возможность... Я расскажу всем!

– Кто тебе поверит?

– Днем поверят, и у вас тоже спросят... Днем. – Рюмси специально выделила последнее слово. Но, против ожидания, корчмарка не испугалась угрозы, и взгляд ее необычных глаз смело встретил упрекающий взгляд Рюмси.

– Почему же только меня? – язвительно спросила она. – Пускай спросят торгашей, почему они свое добро даром не раздают. И вообще, если все так заботятся друг о друге, почему у вас существуют богатые и бедные, угнетатели и угнетенные? Для чего мне вам помогать, если вы сами себе не помогаете?

– Проще бездействовать?

– Иногда, – она смерила Рюмси насмешливым взглядом. – Если вода в реке мутная, не нужно что-то предпринимать. Лучше стоять в стороне, быть непричастным. И водоем сам очистится.

Рюмси, доедай, пожалуйста. Обида тебя не накормит, как и гордыня. Боюсь, уже завтра ты будешь жалеть о своем поступке. Лучше поешь сейчас, пока есть возможность, – она повернулась к Киру, давая понять, что разговор окончен. – Кириус, как Валисса?

– Ее нет больше, – сухо ответил Кир.

Корчмарка смотрела на него, не произнося ни слова.

– Поэтому я и хотел узнать у тебя...

– Я ничего не скажу, – ответ последовал мгновенно. – Я и так много для вас сделала, – в голосе сквозила мольба. – Прости. Сочувствую тебе, но я правда не могу.

Она подошла к двери, распахнула ее, но не ушла, обернувшись в последний момент.

– Вам нужно уходить, скоро стемнеет, – она протянула ему руку, в которой лежала монета. Рюмси никогда не видела такой. – Кириус, возьми, это подарок, – нежно проговорила она. – Береги ее, и она уберезет тебя. Не нужно больше ко мне приходить. Прощай. Прощай и ты, Рюмси.

– Тебе правда лучше? – спросил Кир, стараясь не смотреть Рюмси в глаза.

– Я чувствую себя отлично, – соврала она. День давно угас, медленно поднимался месяц, и воздух постепенно наполнялся прохладой. Впрочем, девочке и правда сильно полегчало.

Оба глядели на звезды. Рюмси понимала, что им о многом нужно поговорить, но желания начинать беседу совсем не было.

– Держи, – Рюмси протянула Шепчущий кинжал.

– Оставь себе, – добавил он несколько смущенно, а его голос стал виноватым. – Ты заслужила.

Некоторое время опять молчали.

– Что именно произошло с твоей сестрой? – осторожно спросила Рюмси.

– Я находился далеко, и не нашлось того, кто бы защитил слабую девушку.

Рюмси стало невероятно стыдно, что она раньше не заметила боли в его глазах.

– Не знаю, какого черта, но она была счастлива со мной. Со мной, представляешь? При всем чертовом дерьме, из которого мы выбирались, она была счастлива. И дело вовсе не в том, что я ее брат, – Кир резко умолк и протянул Рюмси сверток величиной с кулак взрослого мужчины. – На вот, передашь Брэкки.

– Хорошо. Тогда до встречи.

– Не думаю, что мы еще увидимся, – произнес Кир после короткого молчания. Он попытался прикоснуться к ее руке, но в последний момент будто передумал. – Ты скучаешь по своим родным? Сожалеешь, что не сможешь больше услышать их голоса?

Некоторое время девочка глядела на деревья. При свете месяца они казались застывшими черными молниями, которые кто-то в изобилии обещал паутиной.

– Конечно, – ответила Рюмси. Она не стала рассказывать, что видит и слышит родных каждую ночь – они кричат в ее кошмарах.

4

На пороге появился Брэкки.

– Как ты? – неуверенно поинтересовался он.

Рюмси не ответила.

– Я бежал з-за помощью... Я так переживал, – пробормотал он и виновато взглянул на нее.

Рюмси ничего не сказала в ответ, она смотрела в окно, на ночные звезды.

– Зря мы туда полезли, – проговорил Брэки. – Не стоило оно того.

– Возможно, и не зря, – наконец подала голос Рюмси, показав Шепчущий кинжал.

Его алый блеск отразился в глазах мальчика.

– Ух ты! – выдохнул Брэки, с жадным интересом рассматривая находку. – Можно?

– Держи.

– Красивый. А как блести-ит, – с долей зависти протянул Брэки. – Ай! – вскрикнул он, отдернув руку и уронив кинжал. Ладонь сразу же покрылась кровью, хлещущей на пол. Рюмси ухватила простыню и прижала тканью рану.

– Что случилось? – у дверей появился Щуро.

– Порезался, – простонал Брэки, нервно улыбаясь и весьма неубедительно изображая, что ему не больно.

Рюмси указала на кинжал и опешила. Она отчетливо помнила, что тот лежал в луже крови. Но сейчас пол был полностью сухим, а на поверхности кристалла не осталось даже капли.

– Откуда это у вас? – Щуро медленно взял кинжал и, удивленно приподняв брови, уставился на артефакт.

– Нашла... в развалинах.

Щуро резко схватил Брэки за раненую руку и, сняв тряпку, поднес свечу к ладони мальчика.

– Что ты делаешь? – прокричал Брэки. Ткань уже успела присохнуть к порезу и причинила мальчику боль. Щуро без объяснений плюнул на руку сына и протер рану. Ничего! Чистая кожа, даже без намека на порез. Если не считать разводов крови.

– Г-где... моя... рана? – протянул Брэки. – Она исчезла!

– Исчезла, – подтвердил Щуро, кивая. – Неудивительно – это Шепчущий кинжал. Настоящий. Нашла в развалинах, говоришь? – Щуро словно насквозь пронзил ее взглядом. Он не стал интересоваться, откуда у нее ушибы и новая одежда, но поднес свечу ближе.

– Я осмотрю раны, – объяснил он, – нет ли заражения.

Рюмси не возражала.

– Странно, выглядит так, будто ушибам несколько дней, они почти зажили.

Рюмси лишь пожала плечами. Ей не хотелось рассказывать о корчме.

– Ты умница, Рюмси, – одобрительно сказал Щуро, протягивая ей Шепчущий кинжал. – Это очень старинная вещь и очень ценная. В Дегее за него можно получить целое состояние, но я знаю, как его выгодно продать и у нас. Ты молодец.

– Верно, ты молодчина, Рюмси, – поддакнул Брэки, и Рюмси услышала зависть в его голосе.

– Пошли, – распорядился Щуро, – пускай Рюмси отдыхает, нам завтра далеко идти, – проговорил он и удалился.

– Постой, Брэки, тебе Кир передал, – она протянула ему сверток.

Брэки резко развернул и аж засиял.

– Ух ты! Свиное колено, – но потом почему-то смутился.

– Приятных снов, Брэки.

– И тебе, – проговорил Брэки, но все еще оставался стоять, переминаясь с ноги на ногу.

– Еще раз прости, Рюмси, я не бросил тебя, я действительно бегал за помощью.

Рюмси пристально посмотрела ему в глаза, которые у него хватило совести отвести, и одарила самой доброй улыбкой, на которую была способна.

– Не волнуйся; конечно же, я верю тебе, – тоже соврала она. – Я запомню твой поступок и никогда его не забуду.

Брэки ушел, и Рюмси уснула, едва прикоснувшись к постели. Вопреки опасениям, ей не снились крысы. Вернее, не только они. Ей снился Брэки. Он ссорился со своей матерью из-

за Рюмси. Девочка наблюдала за ними как будто со стороны. Но потом сновидение поглотило ее полностью, постепенно растворив в себе. Она стала его частью. Словно бы теперь она – это Брэкки.

* * *

– ...о нас подумай, – продолжала мать, – мы не можем кормить чужих.

– Она ж не чужая. Родня ведь.

– Никакая она тебе не родня! От нее одно горе – мало нам своего? Это из-за нее моя сестра умерла. И староста, с которым она водилась. Эта девка притягивает беду.

– Но, мам...

– Я все сказала!

С матерью бесполезно спорить.

Брэкки, погруженный в свои проблемы, вышел на улицу. И тут же отмахнулся от переживаний. Как-нибудь все утрясется, это просто еще одно препятствие. Еще одно приключение. Брэкки поднял взгляд и мигом повеселел.

Разве может быть тоскливо под этим лазурным небом, по которому плывет это дивное голубое свечение, прозванное Птицей? Разве можно горевать, соседствуя с Вечным Лесом? Ведь из-за его опасностей ценишь жизнь и дорожишь каждым прожитым днем. А величественные скалы, какие тайны хранят они? Брэкки не раз слышал о загадочных пещерах внутри гор. Его манило к неизведанному, и он радовался, что родился в Счастливицах, в такой родной и незнакомой деревне! Именно здесь ждут его неведомые приключения и славные подвиги!

Внезапно кто-то схватил его за плечо и толкнул.

– Здоров, младший братец.

Разбушевавшийся ветер вмиг сдул все его грезы и опустил Брэкки к земным негораздам. Обидно.

– Как дела, Крепп? – нехотя отозвался Брэкки.

– Даже не знаю, малыш Брэк, даже не знаю. Как всегда. Кисну в доме, пока ты шляешься, – лицо Креппа расплылось в ухмылке, а кулак сжался. – Должно быть, чувствуешь себя особенным, гуляешь, где хочется, пока я дом охраняю.

– Думаешь, если ты сильнее, то можно меня колотить? – отозвался Брэкки, не отводя взгляда от кулака.

Старший брат медленно приближался. Брэкки зажмурился.

– Я бы только радовался, если б ты хоть немного силенок набрал, только радовался: тогда бы оставаться дома пришлось тебе...

– Нечем заняться?! – прозвучал голос отца. – Где Рюмси?

Брэкки едва ли не впервые в жизни так обрадовался звукам чьего-то голоса.

– Половики чистит, – нехотя пробубнил Крепп.

– Помоги иди, – распорядился отец. – А она пускай отдохнет – заслужила.

Старший брат послушно ушел. Но Брэкки отчетливо услышал его ругань:

“Вечно тащишь в наш дом всякую дрянь, будто дерьмо на ботинке. Вечно тащишь”.

Брэкки прямо чувствовал недовольство брата и догадывался, что его бурчание не сулило ничего доброго. “Твои речи – тебе на плечи”, – проговорил мысленно Брэкки.

Отец скользнул по нему уставшим взглядом и тоже ушел.

Брэкки медленно опустился на землю и вздохнул. «Как быть дальше?» – задавался он вопросом, грызя ноготь и пытаясь сосредоточиться – глупая привычка.

Выход казался недостижимым, будто высота птичьих стай. Правда, Кир обещал завтра что-то интересное. Посмотрим. Авось повезет, и Брэкки наконец найдет что-то стоящее. Созерцание, как Рюмси приносит больше пользы, задевало его сильнее, чем он готов был себе

признаться. Подумать только, девочка вчера – в первый же день поисков – заработала увесистый мешок зерна.

Брэкки оставалось надеяться, что Кир не подведет. «Зачем вообще это Киру?» – уже в который раз спрашивал себя мальчик. С едой у него явно нет проблем. Брэкки выплюнул огрызок ногтя и тут же спохватился.

– Попасть-пропасть, – выругался он, почесывая затылок в поисках плевка.

Еще не хватало, чтоб какая-нибудь ведьма нашла его! Мало ему горя? Он быстро подобрал отгрызенный кусочек ногтя и спрятал в кармашек, чтоб потом сжечь.

На Брэкки снова нахлынули холодные переживания. Скорее ночь луну разбудит, чем все решится само собой. Иногда и правда хотелось в Вечный Лес попасть, да там и сгинуть. Птица не даст соврать.

Мысли ползли со скоростью слабой улитки и все же заполняли своей слизью. Медленно, подобно гордыне, они созревали. Окутывая и успокаивая, будто сладкий грех. Обещая сбегать, столь желанные мечты. И губы Брэкки постепенно разошлись в улыбке. Видимо, осколки надежды все же срastутся. Ответ оказался таким очевидным, что Брэкки удивился, как мог не заметить его раньше. Если он раздобудет много еды, то брат наконец оценит его. А мать перестанет докапываться до Рюмси. Радость легко сотрет весь мрак их тревог.

А Брэкки знал, где можно раздобыть еду. Чувство вины накрыло его лишь на мгновение и оказалось смыто другим чувством – предощущением благих деяний.

Пока он шел, совесть все-таки еще несколько раз обращалась к нему, но Брэкки верил – это пройдет, а доброе дело останется. Брэкки даже представил, как отец – первый раз! – похлопает его по плечу и скажет: «Горжусь тобой, сынок».

Брэкки с неохотой вышел со двора. Как всегда, он представил себя внутри похожего на булаву – будто сухой плод макового цветка – шара. Шар в фантазиях мальчика затягивала зеркальная кольчуга – теперь никакая порча не страшна. Хотя это не избавило от боли в ногах, настолько сильной, что Брэкки чувствовал себя немощным стариком. При Рюмси он, конечно, не жаловался. Где ж это видано: девочка сдерживает боль, а мальчик ноет? А в том, что Рюмси уставала сильнее него, Брэкки не сомневался.

Соседский пес лаял так, будто уже завтра его собирались съесть. Хотя Брэкки не стал бы переубеждать его в обратном. Так как не имел уверенности на этот счет. Мальчик с жалостью посмотрел на животное: кожа да кости. Брэкки всегда мечтал о щенке, но теперь это непозволительная роскошь. Хотя если бы такая разъяренная от голода псина охраняла их дом, то Креппу не пришлось бы сидеть дома, и старший брат так не озлобился бы.

Солнце, отражаясь от бледных стен домов, безжалостно слепило глаза. Пока Брэкки шел, ему несколько раз встречались одноглазые уроды-диггены. Казалось, их становилось больше с каждым днем.

Один из гигантов безмолвно уставился на Брэкки. Все его эмоции выглядели преувеличенными в несколько раз. Когда дигген хмурился, то, казалось, он выжимает из своей морды все возможности, чтобы показать это. Если бы не один глаз, громадное тело и преувеличенные эмоции, он походил бы на человека. Но эта человечность несколько не улучшала его внешности. Даже напротив, в ней отчетливее проявлялось его уродство.

Лишь завернув за угол и выйдя из поля зрения диггена, Брэкки решился сплюнуть в его сторону. Вначале нервно покосившись через плечо. Раньше он этого не сделал вовсе не потому, что боялся разгневать одноглазого. Разумеется, нет. И все же мальчик, растирая ногой свою слюну, снова опасно огляделся: нет ли поблизости других диггенов, уж больно много их развелось.

Больше, чем диггенов, Брэкки терпеть не мог чертей. Он, правда, еще ни одного не встречал, но яростно ненавидел, ведь все так делают. А “все” не могут ошибаться.

И вдруг под ногами он заметил валяющийся на пыльной дороге полумесяц – настоящий, отливающий серебром. Брэкки уже хотел подобрать находку, но вовремя спохватился. Сокровище лежало аккурат на перекрестке, а каждому ведомо, что это злые ведьмы разбрасывают таким образом проклятье. Попробуй подбери – потом жизнь не мила станет.

– Чтоб я в Лес попал, да там и пропал, – выругался Брэкки. – Мало не дотронулся.

И двинулся быстрее от злосчастливого места, а чтоб удостовериться наверняка, что не подхватил порчу, Брэкки воспользовался Вечным Листом. Он и так хотел это сделать, уж больно не нравилось ему идти туда, куда он шел. Но ничего не поделаешь, по шею или по колено – все равно в испражнениях бродить.

Мальчик достал из кармана сверток ткани и аккуратно высыпал себе на руку могильную землю. Затем прошептал свои опасения, сплюнул на ладонь и развеял негоразды через плечо. Брэкки не был суеверным – ведь быть суеверным к несчастью. Но лишняя предосторожность никому еще не помешала. Да и жить становится гораздо проще – если хоть немного верить в чудеса.

И Брэкки повезло. Зосик с парой своих дружков был здесь.

Зосик неуклюже размахивал мечом, а его подпевалы восхищались каждым ударом по невидимому противнику. Даже Брэкки понимал, что дети палкой орудуют лучше.

Завидев идущего к ним парня, Зосик перестал упражняться – если это можно так назвать – и вызывающе хмыкнул.

* * *

– Только ж вы все не забирайте, – в который раз напомнил Брэкки.

– Не бойсь, Бгэкки, – на губах Зосика возникла наглая ухмылка. – Как договагивались. Вегно, гебята?

Ребята хищно захихикали.

Брэкки осмотрелся по сторонам и перешел на шепот:

– Так идем или как?

– Погоди чутка, – отмахнулся Зосик, вытирая вспотевший лоб. – Поглядим, нет ли диггенов.

Брэкки понимающе кивнул.

– И вот еще что, – проговорил мечник. – Мы сами спгавимся, а ты тут будь – ладушки?

– Так ведь... – начал Брэкки.

– Вот и хогошо. На стгеме постоишь – это ж самая важная часть, – ласково проговорил Зосик, хлопая Брэкки по плечу. – Точно увеген, что в доме никого нет?

Брэкки утвердительно кивнул.

– Какая беспечность.

Компашка за спиной опять загигикала. И они двинулись к дому, на старых, окованных изъеденным ржавчиной железом дверях которого висел веночек из чертополоха.

Брэкки осмотрелся по сторонам. Вечный Лес забери, какое «на стреме»? Мальчик чувствовал замешательство. Все дома по соседству пустуют, он – Брэкки – даже лично помогал загружать повозки этим семьям, когда они уезжали в царство Гороха. Брэкки поморщился: неужели Зосик с шайкой хотели от него избавиться?

Раздосадованный, он стоял на разгулявшемся ветру, щурясь от поднявшегося песка и клубящихся мыслей, когда из-за дальнего угла вывернул огромный силуэт. Дигген? Брэкки присвистнул: стойте. Шайка Зосика тут же остановилась, делая вид, что занята разговором.

Тем временем здоровяк приближался. Брэкки смотрел на него с долей зависти. Это оказался не дигген, а человек. Но какой здоровенный! Парень – настоящая громадина, почти как эти противные одноглазые. Бычья шея, огромные ручищи, широченная спина, выпирающая

от мышц грудь. Хотя лицо какое-то глуповатое, будто у тех же диггенов. А с какой легкостью он нес человека! У того, конечно, отсутствовали обе ноги и рука, но тем не менее здоровяк совсем не напрягался.

Был бы Брэкки такой здоровый, он бы всех заставил себя уважать.

Брэкки уже видел их однажды, рядом со своим домом. Здоровенный парень крутился возле соседского пса. С ними был третий – с лысой головой. И девчонка – рыжеволосая красавица.

Тем временем громадина положил калеку на землю и встал в стороне, словно не при делах. Калека походил на мертвеца, которого забыли положить в могилу. Наверное, попрошайка и его поводырь, решил Брэкки и, потеряв к ним всякий интерес, махнул рукой Зосику.

– Почему не пошел с ними? – прозвучал за спиной вопрос. – Ведь ты же их привел.

Брэкки оглянулся. Спрашивал калека. Мальчик, немного подумав, ответил:

– Они и без меня справятся.

Калека даже не посмотрел на него. Он только вздохнул, прежде чем заговорить снова.

– Нужно находиться в центре собственной жизни и не позволять чужим вытеснять себя на обочину.

Брэкки не нашелся с ответом, даже толком не поняв, что хотел сказать попрошайка. Мальчик снова перевел взгляд на парней. Те как раз входили в дом.

Двери за ними закрылись с такой силой, что слетел венок чертополоха. Сухие цветки тут же подхватил неутихающий ветер и унес в далекие дали – столь же чуждые, как и чужое горе.

Глава 4. Глаза, в которых умирает маленькое солнце

1

– Тут неплохо, – громко одобрил староста, чтоб перекричать бурлящий поток. Отойди он чуточку дальше, и его голос бы едва звучал. Рюмси даже не слышала, как за ее спиной птицы радуются весне.

Рядом шумела быстрая и сердитая горная река.

Рюмси вздохнула: наконец-то. Сил идти уже не осталось.

Возле реки, даже чтоб пройти совсем немного вдоль берега, нужно обходить камни, так, что десяток шагов превращается в сотню (возможно, и больше, но Рюмси пока считала лишь до ста).

– А за что на тебя злится мой отец? – непринужденно спросила Рюмси и зевнула.

Пожалуй, единственное, что ей не нравилось в рыбалке – это рано вставать.

– Только твой отец? – лукаво усмехнулся староста. – Я рассчитывал на куда большую часть деревенских.

Староста сегодня пребывал в хорошем настроении. Он обожал рыбачить.

– Так из-за чего? – нахмурила брови Рюмси.

Свинопас пожал плечами:

– Из-за диггенов, скорее всего. Я намеревался привести их в деревню и предложить работу, но, видимо, выбрал... неподходящее время.

Староста отвечал беззаботно, но Рюмси хорошо его знала и понимала, что тот огорчен.

– Всегда нужен подходящий момент, – проговорил он, подготавливая свою хитромудрую снасть. – В этом весь секрет.

– Секрет?

– Тайна, – пояснил Свинопас.

Рюмси была благодарна, что его руки заняты. Она терпеть не могла, когда староста мудрствовал, поднимая указательный палец.

– К примеру, в Дегее есть пытка, – продолжал Свинопас, – когда людей кормят лишь вареным мясом. Без каш, лепешек... только мясо. Вскоре у несчастного раздувается живот и все внутри гниет. Говорят, боль невыносимая.

Рюмси поморщилась. В Счастливицах никогда не скрывали от детей ужасов жизни, подготавливая тех к трудностям сызмальства. “Если беречь от неприятных слов, не убережешь от жизни”, – твердила поговорка. Но иногда хотелось кое-чего не знать вовсе.

– Жуткое наказание, – говорил староста голосом безрадостным и далеким. – Но попробуй расскажи о нем в деревнях, страдающих от голода. Понимаешь, насколько глупо это прозвучит? Момент. Всегда нужен подходящий момент. – Тонкие губы изогнулись в горькой улыбке. – Даже чтобы умереть.

Рюмси осторожно подошла к реке, пытаясь отыскать прочную опору для ног на неровных камнях. Она опустила руки в воду и умылась, чтоб не хотелось спать.

Вода была холодной и невероятно чистой, а в некоторых местах пенилась белой, как молоко, пеной. Поток бежал быстро и сумбурно, с завихрениями и круговоротами.

Рыба иногда выпрыгивала из воды, словно насмехаясь над рыбаками, не способными ее поймать. Сети здесь легко сносило течением. Никто в Счастливицах не умел ее ловить.

Никто, кроме старосты.

– Почему диггены вообще идут к нам? – нарушила молчание Рюмси. – Оставались бы возле своей Темной Горы.

– Догадываюсь, что приходят они к нам не из-за хорошей жизни, – хмыкнул Свинопас.

– Нам возле Вечного Леса... – Рюмси хотела плюнуть, но сдержалась. – Нам тоже здесь нелегко! Мы живем ближе всех к Вечному Лесу! Отец говорит, что диггены нужны нам, как... дерьмецо на пороге дома.

– Какой у тебя красноречивый отец. Хотелось бы узнать, что он говорит и обо мне, – сказал староста. Без злобы.

Рюмси, конечно же, знала, что говорил о нем отец, но предпочла промолчать.

– Похоже, им еще хуже, раз идут сюда. Я не прошу тебя любить диггенов. Но если уж ты решила их ненавидеть, то хорошо бы, чтоб также понимала и причину своей ненависти. А не презирала диггенов потому, что все так делают.

Рюмси пожалала плечами, из-за чего чуть не уронила удочку:

– Отец говорит: «Хуже диггенов только черти», – сказала она неуверенно. – Диггенов все не любят.

– Да, это так, – согласился староста. – Но почти никто, если спросить, не сможет объяснить причину своей неприязни, кроме той, что диггены слегка... неприятны на вид.

Слегка? Быть может, Свинопас и не замечал, как выглядят одноглазые гиганты, но Рюмси их прекрасно помнила. Обозвать диггена слегка неприятным на вид то же самое, что наречь Вечный Лес немного опасным местом или утверждать, будто тухлые яйца имеют чуточку неприятный запах. Строением тела и даже чертами лица диггены, конечно, напоминали обычных мужчин, живущих в Счастливицах, но были несравненно уродливее.

– Ты-то наверняка сможешь объяснить причину неприязни, – съязвила Рюмси.

– Смогу, – ответил Свинопас и протянул ей крючок, обмотанный цветными перьями. – Начнем с того, что не любят диггенов лишь простые люди, а торговцы и богачи их очень даже жалуют. Хотя и те не всегда терпят... своеобразный говор одноглазых. Дигген сильнее человека, но работает за ту же плату. Добавь сюда еще верность и надежность, и поймешь, почему их предпочитают людям. Но даже не отбирая работу, они, хоть и ненамеренно, пакостят людям.

– О чем ты?

– Представь, что работник отказывается трудиться за... лепешку, рассчитывая, что хозяин повысит оплату до двух лепешек. Ведь у того, по сути, не будет выбора – работу нужно сделать. Но тут приходят диггены – которые согласны работать и за лепешку... Оп-па! – неожиданно выкрикнул староста, подсекая и вытаскивая первый улов.

Когда рыба перестала трепыхаться, ее можно стало разглядеть получше. Рюмси залюбовалась пойманной рыбешкой. Казалось, словно кто-то разрисовал и отпустил эту рыбку обратно. Желто-зеленая чешуя с голубой каемкой, покрытая черными точками, сверкала в солнечных лучах. Более красивой рыбы Рюмси не видела.

– Почему она хватается перья? – спросила девочка – Это какое-то колдовство?

– Нет. Всего лишь обман. Рыба думает, что в воду упало насекомое, и пытается его съесть, – проговорил староста, бросая в мешок свой улов. – Лучше расскажи, что ты думаешь о диггенах. Интересует именно твое мнение, а не толпы.

Рюмси кивнула, вспомнив ужасное одноглазое чудовище. Диггенов сторонились и ненавидели. Вспомнила также, как люди ругались на гигантов и плевали в их сторону, а некоторые дети бросали в них грязь и даже камни.

Тем временем староста вытащил еще одну рыбку – даже побольше предыдущей.

Рюмси начала усерднее дергать удочку, желая тоже что-то поймать:

– Диггены меня пугают, – ответила она честно и просто. – И зачем они вообще тебе сдались? Отец считает, что голод может дойти до Счастливиц и скоро нам тоже нечего будет кушать. Так еще и с ними делиться?

– Из-за голода, моя маленькая Рюммери, они и будут полезны.

– Съесть их хочешь? – пошутила Рюмси. Но староста шутку проигнорировал.

– Начнется хаос, и мне нужен тот, кто сумеет уследить за порядком. Диггены отлично подойдут.

– Но разве Большой Фешо и остальные не сумеют?

– Боюсь, что нет. Они местные. Станет хуже, и придется быть... жестче. Ведь люди не захотят молча умирать от голода. Чтоб выжить, они пойдут на все, на ужасные вещи. И мне нужен тот, кто тоже пойдет на ужасные вещи, чтоб их... усмирить. Трудно быть жестоким, если тебе придется наказывать людей, с которыми живешь в одной деревне и которых знаешь сызмала.

– Но разве беда не сплотит людей? – удивилась Рюмси. – Люди, наоборот, станут дружнее.

Свинопас резко расхохотался и посмотрел на нее так, словно она – ребенок, объясняющий старику, что выпавшие зубы скоро вырастут:

– Кто угодно сплотится перед бедой, но только не люди. Поверь. Каждый предпочтет думать о собственной шкуре.

– Дядя Свинопас, – начала Рюмси, прекрасно зная, что тот не любит, когда она его так называет. – Но ведь диггены могут кого-то покалечить. Они не безмозглые звери, но если кто-то прикажет, они...

– Рюммери, я же просил тебя. Десятилетние дети так не разговаривают. Тебе нужно скрывать свой... ум, – недовольно проговорил староста.

– Я же с тобой, тут больше никого нет, – ответила Рюмси, изобразив невинную улыбку.

– Со мной... – его голос смягчился. – Но будь осторожнее, – он вздохнул. – Иногда лучше промолчать. Понимаешь? Я ведь не прошу тебя прикидываться деревенской дурочкой.

Его шутка тоже не нашла отклика.

– Я и так местный урод, чего уж там, могу и дурочкой прикинуться, – проговорила Рюмси. – У меня, конечно, будут соперники, если ты все-таки приведешь диггенов. Но, думаю, когда те покалечат пару-тройку людей, меня полюбят сильнее.

– Да, скорее всего, покалечат, – задумчиво проговорил Свинопас.

Он всегда знал, когда необходимо ее поддержать и успокоить, а когда просто проигнорировать.

– Но кто-то пострадает в любом случае.

Свинопас поднял удилище, поправил “мушку” и забросил обратно.

Рюмси опешила. Она не ожидала, что может быть настолько плохо.

– Я, конечно, постараюсь сделать так, чтоб жертв было поменьше.

– Постарайся?! – Рюмси с укором взглянула на него. – Но ты ведь староста, ты должен заботиться о нас.

– Староста, – согласился Свинопас. – Конечно, не такой хороший, как мой дядя, но уж какой есть.

В свои десять лет она с уверенностью могла утверждать, что знает старосту лучше, чем кто-либо другой. Но даже она не всегда понимала, серьезен он или шутит.

Староста рассмеялся, но затем его смех резко оборвался:

– Вечный Лес! – выругался он, сорвав рыбу.

Все в Счастливицах ругались подобным образом. Но если деревенские потом смачно плевались, не желая оставлять даже крохи этого слова во рту, то Свинопас никогда так не делал.

– Он ведь служил старостой до тебя. Верно? – спросила Рюмси, имея в виду дядю Свинопаса.

– Верно. Он был хорошим человеком – и старостой куда лучше меня. – Его пальцы ловко привязывали перья на новый крючок. – Жаль, что он погиб.

– Он был колдуном?

Староста кивнул.

– И его сожгли вместе с остальными? – продолжала расспрашивать Рюмси.

В деревне ходило множество слухов по этому поводу. Один из тех редких случаев, когда девочка радовалась, что от детей ничего не скрывали. Но Свинопас всегда знал больше остальных. Разве что еще Короч был таким же осведомленным.

– Да, – кивнул староста.

Рюмси заметила, что его пальцы начали дрожать, и он никак не мог привязать “мушку” к поводку.

– Последняя его просьба – чтоб я позаботился о деревне в его отсутствие. Из-за этого мы здорово поссорились. Мы вообще часто ссорились, – на лице Свинопаса промелькнула тень грустной улыбки. – Но я его очень любил.

Он умолк и добавил:

– Мы ведь даже не попрощались.

– Что там случилось? – Рюмси давно хотела об этом спросить и сейчас чувствовала, что пришло подходящее время.

– Колдунов, целителей, ведунов... короче говоря, всех, кто владел хоть крохами... способностей, собрали в одном месте и... сожгли. Жестоко предали.

Их считали всемогущими. Боялись, что они могут делать что хотят. А зачем переживать, если можно убить?

– Но в деревне говорили, что колдуны могли делать все.

Староста фыркнул:

– Это неправда. Тебе бы следовало знать, что не стоит доверять всему, о чем сплетничают люди, – горько усмехнулся он.

Рюмси удивилась. Даже до Счастливичиков доходила молва о всемогущих чародеях, хотя правда это или слухи, распускаемые темным и несведущим людом (как их часто называл Свинопас), оставалось загадкой.

– Но в деревне говорят, что колдуны могли уничтожить гору одним хлопком в ладоши. Они говорили это днем, – многозначительно проговорила девочка. – Днем врать нельзя!

– Дорогая моя Рюммери, я не утверждаю, что они ввали. Но и не говорю, что они рассказывали правду. Люди иногда рассказывают то, что считают правдой, то, во что верят. Но это не значит, что их слова – истина. Из-за подобных мыслей и страхов и погибли колдуны, погиб мой дядя. А я остался старостой.

– Значит, то, что именно колдуны создали Птицу, тоже неправда?

– А вот это как раз правда. Заклинание умирающего колдуна имеет невообразимую силу. Представь, что могут сотворить десятки умирающих колдунов. Они последние силы истратили на то, чтоб создать Птицу, – его взгляд метнулся в небо, – и никто больше не смог обманывать.

– Ты хороший староста, – улыбнулась Рюмси, хоть и подозревала, что он рассказал далеко не все. – Люди это понимают, даже если и сердятся на тебя порой.

– Не умничай – дети так не разговаривают. И я не думаю, что люди долго будут меня терпеть, хоть я и стараюсь ради них. Но это к лучшему. Появится новый староста, возможно, лучше меня, – он подмигнул. – Может, даже ты станешь, когда-нибудь.

– Девушка... старостой?

– Чему ты удивляешься? До моего дяди старостой была Карига-целительница, – Свинопаса аж передернуло при этом имени. – Ох уж старая пивка!

– Так то ж колдунья.

– Колдунья, – подтвердил Свинопас. – Но я же не колдун. Старостой вообще может стать кто угодно.

– Разве? Для этого ведь нужна мудрость, нужно знать много всякого.

– Не совсем так, – мотнул головой Свинопас. – Глупец, конечно, старостой не станет, хотя... я и тут не уверен. Но никакой мудрости не нужно. Зачем все знать? Думаешь, царь Горох интересуется чем-то, кроме своих растений? Зачем ему уметь лечить людей, если есть

главный лекарь... или как там у них знахарь называется? Зачем уметь сражаться, если у него есть воевода? Зачем уметь ковать, если есть хороший коваль? Понимаешь? Царством управляет не один человек. Задача же царя – подобрать этих людей и следить, все ли идет как надо.

На это Рюмси нечего было ответить. Помолчав, она сказала:

– Зато более странного старосты, чем ты, точно не появится. Диггенов жалуешь, а богам молиться не разрешаешь.

– Потому что диггены полезнее богов. И уж точно не так опасны и жестоки.

Рюмси поежилась, вспомнив, как слышала, что ааконцы приносят в жертву своим богам не только животных, но даже людей.

– И опасны как раз не те боги, что вечно требуют крови, – словно прочитав ее мысли, проговорил Свинопас, – а добрые боги, такие, например, как Природа-Мать или Создатель.

– Почему?

– Твой отец прав, – явно нехотя признал староста. – Я согласен, что беда не обойдет нас стороной. И нужно уже начинать готовиться к голоду. Но всегда найдутся люди, которые вместо того, чтобы что-то предпринимать, станут молиться, ожидая, что небо пошлет спасение. Понимаешь, в чем опасность? В надежде на богов.

Рюмси кивнула: понимаю.

– А я всегда знала: что бы ни говорили о тебе, на самом деле ты хороший человек и любишь жителей деревни.

– Рад, что ты так считаешь. По-настоящему хорошие поступки – это те, которые делаются вне зависимости от того, глядит ли кто, понимают ли их намерения и оценят ли их.

Некоторое время староста пристально наблюдал за бурным течением. Казалось, река увлекала и уносила его мысли за собой, далеко отсюда.

– Видишь, как бежит река? – проговорил он наконец. – Петляет и извивается вдоль гор, мимо Вечного Леса. Кто знает, куда она уходит? Возможно, когда-нибудь именно ты нарисуешь карту ее путешествия, – староста улыбнулся, но его лицо выглядело печальным и суровым. – Даже после нашей смерти река будет продолжать шуметь, горы расти, а Лес пугать. Даже после нашего ухода ничего не изменится. Это важно понимать. Запомни, Рюммери, по-настоящему добрые и правильные поступки – это те, которые делаются не только для себя. Подобно тому, как родители строят крепкий дом, надеясь, что он будет стоять даже после их кончины.

Он еще немного помолчал и добавил:

– Тебе покажутся странными мои слова, но если со мной что-то случится, а тебе будет нужна помощь – обратись к Корочу. Он позаботится о тебе.

Это было и правда неожиданно. Все знали, что Свинопас и Короч терпеть не могут друг друга.

Рюмси и староста порыбачили еще немного. Она поймала столько же рыбы, сколько и Свинопас. Но он, как всегда, отдал ей свою. Ему больше нравилось рыбачить, чем есть свой улов.

Это был последний раз, когда Рюмси видела старосту. Затем его не стало. Они даже не попрощались.

2

Безжалостное солнце терзало кожу жаром якобы ушедшего лета. Похоже, оно расправилось с осенью и теперь обманывало всех, показываясь в ее шкуре. Прохладный ветерок, будто сговорившись с ним, ласкал лицо лишь мгновение, а затем, побаловав, надолго исчезал.

Рюмси плохо себя чувствовала. Хотя раны уже почти не болели, но тело нуждалось в отдыхе. Всю ночь ей снились кошмары. Что, впрочем, не удивительно. Пережитого за последнее время было достаточно, чтоб надолго лишить ее приятных сновидений.

Рюмси и Щуро вышли из Счастливицков. Их путь лежал в сторону Вечного Леса.

Вдоль дороги они увидели толпу диггенов. Гиганты сидели на земле: кто-то общался, кто-то спал, некоторые поднялись, провожая их взглядами.

– Ест работа? – прогудел один из них.

Щуро проигнорировал вопрос, молча шагая дальше, Рюмси последовала его примеру.

– Самим жрать нечего, еще их тут не хватало, – пробурчал отец Брэкки. – Такое чувство, что всем скопищем сюда приперлись, когда услышали, что в Счастливицах диггенов берут на работу.

Больше он ничего не сказал.

Вдали, со стороны Шкуродеровой Рощи, из мрака Вечного Леса поднималась рогатая скала. Рюмси вспомнила, как странный калека звал ее туда, если что случится. Только Рюмси не знала, какие это должны возникнуть проблемы, чтоб она побежала в сторону Вечного Леса.

– Мы идем к тому человеку, с которым вы вчера общались? – нарушила она молчание. – Он ведь торговец, верно?

– Верно, – ответил Щуро, оглянувшись. – Когда-то мы оба были торговцами.

– Вы перестали торговать из-за семьи?

– Не совсем, точнее, отчасти. Все изменилось, когда мой первый сын заболел страшной болезнью.

– Крепп?

Щуро медленно замотал головой:

– Крепп – средний сын.

– Но я не видела вашего старшего... – Рюмси запнулась. Она все поняла.

– Быть торговцем – значит все время путешествовать. Будучи рядом с сыном, я бы ничем не смог ему помочь. Скорее всего, никто не смог бы. Болезнь была... неизлечимой. Но мне следовало находиться рядом, – голос мужчины надломился. – Позже я многое переосмыслил и решил, что всегда буду со своей семьей, в горе или в радости.

Рюмси кивнула. Ей начинал нравиться этот человек.

– Эй, Рюмси, – проговорил он. – Ты ведь теперь тоже часть нашей семьи.

Щуро даже не представлял, какую она испытала благодарность за эти слова. Как важно иметь рядом людей, которые знают, что ты пережил. Людей, которым ты нужен. И эти люди открыли ей дверь в свою семью.

Несмотря на самочувствие, Рюмси теперь шагала в разы легче. Но Щуро почему-то нервничал и все время косился назад. Рюмси проследила за его взглядом и осторожно обернулась.

За ними следовали какие-то типы.

– По наши души, – Щуро слегка приподнял мешок. – Точнее, за ним. Увязались за нами, как только мы покинули деревню. Не останавливаемся.

Рюмси чувствовала отчаянную надежду в его голосе. В этой глуши они словно подарок для грабителей.

Рюмси уже привыкла, что мгновенья ее удачи крайне редки и скоротечны.

Она даже смирилась с тем, что один закончившийся кошмар наверняка сменится новым. Но так скоро?!

Щуро крепче ухватился за мешок:

– Как ты себя чувствуешь?

Он впервые поинтересовался ее самочувствием, хотя сейчас она выглядела уже намного лучше.

– Бежать смогу, – ответила Рюмси, стараясь поверить своим же словам. Она понимала, к чему его вопрос.

Щуро кивнул, и они рванули. Кусты и деревья замелькали перед глазами.

Щуро был уже не молод, но бежал достаточно быстро, даже успевая говорить, хоть и с легкой одышкой:

– Их только двое, – надежда по-прежнему звучала в его голосе. – Еще немного... и доберемся к Лису.

Девочка оглянулась. Преследователи не отставали. Щуро резко свернул. Рюмси за ним. И в следующий миг она уже лежала на земле, больно об кого-то ударившись. Над ней возвышалась огромная фигура, закутанная в плащ.

Во рту все пересохло, руки начали дрожать.

“И все-таки их было не двое”, – словно сам воздух прошептал эти горькие слова.

Щуро, весь мокрый от пота и побледневший, стоял рядом, его волосы слиплись в сальные пряди. К Рюмси подошел второй мужчина, с некрасивым и странно перекошенным лицом. Он протянул к ней руки, помог подняться и вернулся к гиганту.

Теперь девочка могла разглядеть человека, в которого врезалась. Он был громадным, мощнее диггена, даже высокий Щуро доходил ему лишь до шеи. Лицо уверенное, но не наглое. Борода и усы ухожены. Под плащом блестела кольчуга. Присутствовал и меч, такой же огромный, как и владелец. Это был не обычный головорез, а настоящий воин.

Он посмотрел на Рюмси, прикрыв ладонью глаза от слепящего солнца. Девочка оглянулась – сзади, наконец, появились преследователи. Но они почему-то остановились и переглянулись.

Воин бросил взгляд на Щуро, потом на девочку и, нахмутив брови, снова на появившихся. Он повелительно взмахнул рукой, не отрывая взгляда: подойдите.

Преследователи неуверенно повиновались.

– Где-то тут должна быть деревня... э-э-э... Удача? – обратился витязь к Щуро. Голос звучал подобно грому.

– Счастливики, – поправил Щуро, по-прежнему бледный, но стараясь держаться уверенно.

– Я смогу там раздобыть лошадь? Не важно, какой породы, главное, чтоб выносливой была, – прогремел воин.

– Возможно. Но я не уверен. Сейчас туго со зверьем... голод...

– Голод? – задумчиво переспросил гигант и как-то виновато взглянул на своего перекошенного приятеля. Вдохнул.

Приблизились преследователи, молча глядя себе под ноги.

– А корчма тут имеется? – спросил громогласный воин, и его тон перестал казаться дружелюбным.

– Имеется, – кивнул Щуро.

– Вы с дочкой куда-то спешили. Не смею вас больше задерживать. – Витязь обернулся к прибывшим. – Меня Добран зовут. Проведите, пожалуйста, до корчмы. Я не местный, не хотелось бы до ночи тут лазить.

Для Рюмси его имя ничего не значило, но на всех остальных оно произвело не абы какое впечатление. У одного из преследователей даже округлились глаза.

Не дожидаясь их ответа, который ему, похоже, не требовался, Добран сказал чуть громче, непонятно кому:

– Идем!

Зашуршали кусты. Из них появилась довольно пухленькая женщина и, подойдя к товарищу гиганта, обняла его.

– Показывайте дорогу, что ли, – скомандовал Добран.

Недавние преследователи молча пошли вперед.

Перед уходом Добран подмигнул Рюмси, под бородой промелькнула улыбка.

– Нам очень повезло, – сказал Щуро чуть погодя и выдохнул. – Но поспешим, не будем испытывать судьбу.

– Это был витязь? – спросила девочка. – Настоящий?

– Сам Добран. Тот, кто убил Лиходея, – многозначительно проговорил Щуро.

Уж о Лиходее Рюмси слыхала. Все слыхали о Лиходее.

– Они к нам по реке добрались? – предположила девочка.

– Без лошадей, и не знают о голоде. Конечно, по реке. Не из Вечного Леса же вышли.

– Интересно, зачем они сюда пожаловали, – спросила Рюмси.

Щуро пожал плечами:

– Вечный Лес его знает. Но уверен: он не просто так тут появился. Думаю, мы еще о нем услышим.

Щуро и Рюмси глядели им вслед. Оба не хотели двигаться с места, не убедившись в том, что их преследователи не вернуться.

3

– Вас двое, – заключил дигген. – Хозяин казав, буде один двуглазый мужчин!

– Об этом можешь не беспокоиться, – заверил его Щуро. – Я друг Лиса.

– Хозяин казав, буде один двуглазый мужчин! – повторил гигант, нахмурившись.

– Все верно, – ничуть не смутившись, ответил Щуро, подмигнув Рюмси, которая начала нервничать. – Один мужчина – это я. Хозяин ведь не говорил, что нельзя приводить девочку.

– Девучку? – повторил дигген, почесывая пучок волос на макушке, и снова отчеканил:

– Хозяин казав, буде один двуглазый мужчин!

– Так пойдем спросим у хозяина, как нам быть? – выдержав его взгляд, предложил Щуро.

Дигген пододвинулся ближе к Щуро, угрожающе уставившись на него. Рюмси боялась, что мускулистый громила разозлится. Она хорошо помнила, как его сородич одной рукой – словно куриное яйцо – раздавил человеку голову.

– То йдем, – наконец прогремел гигант.

Дигген неторопливыми тяжелыми шагами двинулся туда, откуда появился. Они пошли следом.

Идти оказалось недалеко. На небольшой поляне их ждали.

– Приветствую, дорогой Щуро, – весело поздоровался Лис, вставая с валежника. – Вижу, ты не один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.